

Анатолий Григорьевич Вишневский Жизнеописание Петра Степановича К.

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8641608
Жизнеописание Петра Степановича К./ Вишневский А. Г.: Знак; Москва; 2013
ISBN 978-5-87789-065-7*

Аннотация

Петр Степанович К. – герой и в то же время соавтор этой книги. В молодости Петр Степанович не рассчитывал на долголетие, больше мечтал о славе, а выпало ему как раз долголетие – 95 лет. Его жизнь вместила в себя всю историю государства, в котором протекали его дни, так что он многое успел повидать и обдумать. Читатель получит счастливую возможность ознакомиться с различными обстоятельствами жизни Петра Степановича, а также с наиболее интересными из его мыслей, записанных им самим. Автор уверяет, что все повествование – до последней точки – основано на документах, он даже хотел заверить их у нотариуса, но в последний момент почему-то передумал. Но правдивость жизнеописания Петра Степановича К. от этого не пострадала.

Для широкого круга читателей.

Содержание

Часть первая	4
I	4
II	6
III	9
IV	17
V	23
VI	27
VII	31
VIII	35
IX	42
X	46
XI	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Анатолий Вишневский

Жизнеописание Петра Степановича К.

Часть первая

I

Читатель не должен удивляться тому что мы сопровождаем жизнеописание Петра Степановича К. цитированием сухих официальных документов. Более того, он должен быть сразу предупрежден, что все наше повествование основано исключительно на документах. Вымысел – это не наш принцип. Да, потрачена уйма времени на то, чтобы собрать все эти старые справки, приказы, отношения, рукописи, свидетельства, письма, дневники, – времени мы не жалели. Зато теперь мы можем быть уверены – и вы тоже, – что ни одно слово вымысла не проникло на страницы повествования, которое вам сейчас предстоит прочитать. Вначале мы даже хотели заверить все эти свидетельства истории у нотариуса, но ближе к концу нашей работы у нас почему-то сложилось отрицательное отношение к нотариусам. Поэтому мы убедительно просим читателя поверить нам на слово. Мы не станем вас обманывать.

Свид#тельство.

Дано сіе ученику дополнительного класса ЗАДОНЕЦКАГО РЕАЛЬНАГО УЧИЛИЩА К.Петру Степановичу, испов#данія православнаго, родившемуся въ январ# м#сяц# 30 дня 1896 года, въ томъ, что онъ обучался въ семь класс# съ 21 августа 1912 по 1 июня 1913 г. при отличномъ поведеніи и на окончательномъ испытаніи оказалъ усп#хи:

- в Закон# Божиємъ отличные (5)
- “ русскомъ язык# отличные (5)
- “ н#мецкомъ язык# отличные (5)
- “ французскомъ язык# хорошіе (4)
- “ математик#, а именно:
 - “ ари#метик# отличные (5)
 - “ алгебр# хорошіе (4)
 - “ тригонометрії хорошіе (4)
- в исторіи отличные (5)
- “ естествов#д#ніи отличные (5)
- “ физик# отличные (5)
- “ рисованіи отличные (5)
- “ законов#д#ніи хорошіе (4)

По сему онъ, К. Петръ Степановичъ можетъ поступить въ высшія учебныя заведенія съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ уставахъ оныхъ, по принадлежности.

Городъ Задонецкъ іюня месяца первого дня 1913 года

Директор училища
Секретарь Педагогического Сов#та

У.С.С.Р.

Институт Сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии
Харьков, Каплуновская ул. № 7
20 декабря 1920 г., № 3857

Удостоверение

Дано сие Петру Степановичу К. в том, что он состоит студентом Харьковского Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства.

Настоящее удостоверение выдается Петру Степановичу К. для предоставления по принадлежности.

Задонецкий Волобраз
1921 г. янв. 15 дня № 57

Учителю Задонецкой профессионально-технической школы и ремесленного училища Петру Степановичу К.

Прилагая при сем удостоверение за № 3857, сообщаю, что Вы освобождаетесь от занимаемой должности учителя, согласно Вашего заявления и резолюции З.Т.У.О.Н.О: освободить от занимаемой должности и предложить немедленно выехать из Задонца как милитаризованному студенту.

Удостоверение

Сие выдано Задонецкой Профессионально-технической школой Петру Степановичу К. в том, что он состоял преподавателем в упомянутой школе, преподавая следующие предметы: физика, химия, механика, экономическая география, техническое черчение и рисование. Настоящее удостоверение выдается Петру Степановичу К. по случаю добровольного выбывания из числа преподавателей Задонецкой Профессионально-технической школы.

II

В других документах, более ранних, Петр Степанович К. обозначается как «сынъ крестьянина Харьковской губернии Валковского уезда, хутора Водопоя Валковской волости», но, как вы, вероятно, уже поняли, жизнеописание нашего героя мы начинаем не с его детства, в котором не находим ничего примечательного. Нет, мы сразу расскажем читателю об учебе Петра Степановича в Харьковском Ново-Александрийском институте сельского хозяйства и лесоводства, ибо именно этот институт снабдил Петра Степановича профессией агронома.

Хотя, по правде говоря, что это была за учеба? Вода в лаборатории замерзала, трубы лопались, реактивов не было, профессорские жены торговали пирожками, холод, голод, очереди, анкеты... Это были те времена, когда на Благбазе валялись дохлые лошади, куры, навоз, старые тряпки, куски жести, сплюснутые эмалированные горшки, чайники, а иногда можно было встретить среди этого хлама человеческий труп, неизвестно как сюда попавший. Петр Степанович учился в институте в то время, когда на улице вечерами раздевали, убивали, люди от голода умирали, разбирали на топливо заборы, чтобы согреться, жгли в печках – в знаменитых чугунах из 20 кирпичей и с трубой прямо в окно – пианино, буфеты и другую мебель. Это было тогда, когда горели дома, не действовали водопроводы, потухало электричество, когда власти нервничали, а со всех сторон наступали враги. Это были времена, когда старое похерили, новое только-только намечалось, а материальных благ не было вовсе. Тяжелые были времена!

С приходом советской власти Петр Степанович каким-то образом поселился в кабинете известного доктора медицины. Кабинет был обставлен с роскошью: мягкие кресла, диваны, большие шкафы с книгами, великолепные кафельные печи. Но теперь дров и еды не было, а из-за холода и голода и роскошь теряла всякий смысл. Пока в кабинете жил доктор, кресла, диваны, шкафы и статуэтки стояли на своих местах, был порядок, а паркетные, вероятно, натерлись воском. Теперь же вместо кафельной Петр Степанович собственноручно смастерил печку из сорока трех кирпичей, вытащив их из угла докторского дома, труба сначала была проведена в пробоину кафельной печи, но когда в эту дырку дым не пошел, пришлось трубе дать направление в окно. Труб тоже в те времена не делали, но было достаточно в городе разных водосточных труб, и они вполне подходили к печкам, а сами выглядывали из окон так грозно, что неопытному человеку могло показаться черт знает что! Неопытный человек мог бы подумать: каждый дом вооружен десятками пушек разных калибров.

В креслах и диванах откуда-то появились клопы. Петр Степанович одно время был уверен, что клопы здесь были и при докторе, но со временем он пересмотрел свои взгляды и пришел к выводу, что клопы пришли после того, как многочисленные докторские покои стали заниматься, по ордерам и без ордеров, лицами неопределенного происхождения. Кожа на креслах постепенно стала обдираться, паркетные же полы при Петре Степановиче не только не натерлись воском, но даже не мылись и не подметались.

В некоторых комнатах обитали знакомые доктора, тогда как сам доктор еще в девятнадцатом году отбыл в Крым, оповестив всех, кого мог, о скором своем возвращении в Харьков. Жильцы, знакомые доктора, сберегали, как могли, докторское имущество, огрызались при бесконечных обысках и при предъявлении мандатов на комнаты, и даже Петра Степановича вовлекли в это дело. Петру Степановичу поручили сберегать докторское пианино, а так как в те времена пианино конфисковывали, то Петр Степанович зарегистрировался в губнаробразе пианистом, из-за чего докторское пианино на какое-то время и сбереглось. Петр Степанович на пианино играл две вещи: «Чижик, пыжик, где ты был» и «Ой, не ходи, Грицю, та й на вечорниці», а чтобы быть точным и справедливым, надо отметить: Петр Степанович обе вещи играл одним пальцем, а педалями, за ненадобностью их, совсем не пользовался.

Вот на балалайке он играл, начиная со «Светит месяц, светит ясный» и кончая таким сложным вальсом, как «На сопках Маньчжурии». Курьез случился, когда Петра Степановича специальной повесткой пригласили в губнаробраз играть на пианино, вероятно, для проверки. Пришлось долго упрашивать своего играющего приятеля сходить за него!

Но все это нам не интересно. Нам интересны тогдашние политические убеждения Петра Степановича, точнее, его отношение к советской власти, не очень для нас ясное.

Нам от самого Петра Степановича известно, что довольно скоро после того, как он, окончив реальное училище, поступил в университет, начались и пошли февральские, октябрьские, петлюровские, немецкие, гетманские, белогвардейские, большевистские, махновские, просто бандитские и др. революции и контрреволюции. Петр Степанович долго не мог разобраться, какая из властей восторжествует, но сам участия ни в революциях, ни в контрреволюциях не принимал.

Впрочем, об этом после, а нам важно знать, в самом начале, социальное происхождение Петра Степановича! Мало ли что, Петр Степанович писал в анкетах «крестьянин», – крестьяне были разные! Не все же крестьяне могли учить при старом режиме своих детей в реальных училищах. Кто учился в реальном училище? Дворяне, дети чиновников, учителей, околоточных надзирателей, прасолов, кулацкие дети и редко бедняки. Как мы ни старались добиться от самого Петра Степановича и побочно о количестве десятин у его папаша, но это не удалось: сам Петр Степанович что-то путал и рассказывал, как говорят, не в одно, а побочные расспросы... Разве вы не знаете, что наговорят на человека? В общем, из всего видно, что папаша Петра Степановича был чем-то среднеарифметическим всех тех папаш, которые могли учить своих детей в реальных училищах. Более точно можно предполагать, что папаша Петра Степановича непосредственно сельским хозяйством не занимался, но, примерно, зарабатывал в месяц рублей сорок– сорок пять, может быть, не больше. Зато нам, например, известно, что родители Петра Степановича были людьми набожными, царя чтили, исправника боялись и очень любили в табельные дни смотреть солдатские парады, а когда пели «Боже, царя храни», то не знали: креститься, брать ли под козырек или снимать головной убор.

Братья Петра Степановича, – а их было два – и сестра, а также сам Петр Степанович, до пятнадцати лет тоже были религиозными, от пятнадцати до семнадцати проходил перелом, но стоило познакомиться молодежи с химией, физикой и вообще биологией, как резко все они становились безбожниками, даже сестра. Бог из головы вылетал постепенно: сначала у старшего брата, потом у Петра Степановича, у младшего, и, наконец, у сестры, ноу каждого вылетал бог так, как буква ять из русского языка. Еще в шестом классе Петру Степановичу попался «Капитал», но тогда впечатления на него «Капитал» не произвел, а как было в дальнейшем, мы еще узнаем. До февраля и марта, когда цари начали писать манифесты об отречении, Петр Степанович, извините за выражение, жил и рос каким-то аполитичным бурьяном. Он знал, что существуют на земле социалисты, монархисты, анархисты, однако все они существовали как-то вне черты его, Петра Степановича, насущных интересов, не более, как, скажем, египетские пирамиды или, где-то на Сандвичевых, извините, на Гавайских островах, вулкан, Мауна-Лоа.

Убеждений Петр Степанович не имел никаких. Правда, в кругу товарищей, а особенно когда прогуливался по дощатым тротуарам с гимназистками, Петр Степанович логично говорил о материализме. Петр Степанович затрагивал, главным образом, вопросы из области атомов, его интересовало, так сказать, начало начал. Кроме атомов его интересовала космография. На базе логики доказывал отсутствие в природе случайностей, а в седьмом классе, то есть перед окончанием реального училища, пришел, к выводу, что в природе нет ничего живого, а есть мертвая природа, постоянно находящаяся в движении. Петра Степановича даже приглашали в какой-то тайный, радикального направления кружок, однако Петр Сте-

панович отказался от этого дела. Он один раз пошел на собрание кружка, там разбирали в тот день запрещенную брошюру, Петру Степановичу показалось скучно, и больше он кружка не посещал.

В общем, в политическом отношении Петр Степанович был ни рыба ни мясо. Может быть, скажут, что у Петра Степановича было притуплено классовое чутье, но и этого нельзя сказать, на что в нашем распоряжении имеются доказательства. Как только Николай Кровавый отказался от престола, весь город, а в том числе и Петр Степанович, пошли к земской управе митинговать. На митинге стали выступать всякие демократы, и Петр Степанович почувствовал в себе тоже таланты демократизма, ибо ему захотелось вылезти на возвышение и произнести речь, которая затмила бы все речи, на этом митинге произнесенные. Но из-за тех, кому еще больше хотелось произносить речи, Петру Степановичу так и не удалось осчастливить митинг своим выступлением. Надо отметить, Петр Степанович внимательно слушал ораторов, и его симпатии были на стороне тех, которые восхищались революцией, но жаль было и председателя земской управы, тоже выступившего на митинге и освищенного почему-то.

III

В задачу настоящего повествования не входит описание разных там жгучих приключений с нашим героем, ибо он жил в век, когда читателя уже ничем нельзя было удивить, и мы хотим быть созвучными его времени. Не дай бог, поставили бы до революции такую картину в кинематографе, как «Красные дьяволята»! Сколько было бы обмороков, вздохов, ахов! А когда поставили, после революции, конечно, и стали показывать, так только и слышны были довольные окрики зрителей: «Так им и надо, мерзавцам!» «Та добивай же, добивай, а то он еще живой!» Видите, что тогда творилось? В ту пору надо было давать такие произведения, где бы факты и сами персонажи так и плавали в героизме, как вареник в сметане. Чтобы на каждом шагу встречался марксизм чистой воды, пересыпанный, как котлета сухариками, идеями социализма. Вот что тогда надо было, а не просто так писать мемуары со всякими приключениями. Кого, интересно, могли удивить тогда эти приключения?! Мемуарист, скажем, пишет, что ему всадили две пули в самое сердце, когда его расстреливали белые, а читатель скажет, обязательно скажет презрительно: «Фи... две пули! Во мне сидят четыре еще от Перекопа!» И будет прав!

Так что вызвать жалость к нашему герою в читателе или что-нибудь в этом роде – лучше на это не рассчитывать. Нам просто хочется познакомить читателя с Петром Степановичем и эволюциями, какие он пережил в то революционное время. Ведь потом в больших и малых городах ходило много на службу Петров Степановичей, и нам хотелось бы, чтобы они бесследно не вымерли, чтобы осталась о них память в молодом поколении. Мы, конечно, на успех нашего повествования не рассчитываем, а пишем его в порядке сострадания к Петрам Степановичам, которые дерзали в молодости также, как и великие люди, только потом у них что-то не сошлось. Но все равно, если даже они и не делали революции, так ведь отношения писали, подписывались вторыми подписями и старались так составить отношение, чтобы первая подпись соглашалась начертать свое имя, не меняя сути отношения. То есть сначала подписывается директор, а потом уже Петр Степанович. Но составлял-то отношение все равно Петр Степанович!

И если вы даже сейчас всмотритесь, товарищи и господа, в тех, что ходили с портфелями в руках и седыми висками много позднее, то так и знайте: среди них было 90 процентов Петров Степановичей!

Повторяем: жгучих приключений, происшедших с Петром Степановичем, мы здесь описывать не будем, пусть даже Петру Степановичу и приходилось круто в те дни, когда на Украину приходили большевики три раза, добровольцы раз, один раз гетман с немцами, петлюровцы, махновцы, а разных мелких банд мы и считать не станем. Но мы хотим пощадить Петра Степановича, ведь ему еще и потом предстоит повидать много интересного. А тогда... Вы же понимаете, что значит пережить все это и самому нигде активно не участвовать? Это значит: большевикам три раза руки вверх держи, добровольцам два раза, – один раз при наступлении и другой раз при отступлении; гетману руки вверх держи, петлюровцам держи и бандитам разов десять держи руки вверх.

Однажды, когда Петр Степанович за чашкой чая вспоминал пережитые ужасы, он выразился в заключение так: «Если еще будет какая-нибудь гражданская война, обязательно примкну к одной из сторон с винтовкой в руках, так будет спокойнее». Надо оправдать такую точку зрения Петра Степановича: во-первых, если пристать к одной из сторон, нервы остаются целей, а во-вторых, – самолюбие не страдает. А то разве легко: «Стой, сволочь! Руки вверх!! Ты, тра-та-та-та, кому сочувствуешь?» «Вам», – отвечал в таком случае Петр Степанович. «Врешь, сволочь!» Пока докажет Петр Степанович, что он сочувствует тому, перед кем руки вверх держит, то могут раз пять в морду звездануть, приклада дать, сапоги сни-

мут, да и мало ли еще чего может случиться. Еще ничего было бы, скажем, один раз поднять вверх руки, два раза – от силы, а то подымай всякому, кто только сильно кричит и перед самым носом обрезом вертит. Да надоест же, наконец, и сочувствовать! Пусть уже подымают руки вверх обыватели, их такая доля, но войдите в положение Петра Степановича: человек он образованный, знает себе цену и, вдруг, налетает в городок шайка махновцев на десять минут, и изволь перед этой грубой силой руки вверх подымать, сочувствовать... «Кому сочувствуешь?» Кому же прикажете в таком случае сочувствовать? «Конечно же, вам!» И Петр Степанович сочувствовал, сочувствовал всем, кто задавал такой вопрос, кто сильно кричал и вертел неистово обрезом перед самым носом.

Конечно, Петр Степанович и в это сложное время не перестал размышлять о мертвой и живой природе, но, скажем прямо, тогда нашему герою с его атомами и электронами пришлось прямо-таки круто. Главное, слушателей подходящих не находилось. Петр Степанович слушателю – про закон Архимеда в кристаллическом его виде, а слушатель занят в это время соображениями: входит ли в паек махорка? Что ты будешь делать!

И вот Петру Степановичу пришлось временно почти забросить законы природы, ибо сама жизнь заставляла его терять свое время на наблюдения явлений социального порядка.

Начать с того, что Петра Степановича белогвардейцы, когда в 1919 году заняли Харьков, арестовали и посадили в тюрьму, в харьковскую каторжную тюрьму, по подозрению в коммунизме. Это было нелепо, совершенно нелепо, даже офицер, поручик Кашпер, был недоволен, когда его привели.

– Хлопнули бы по дороге, а то возитесь с идиотом!

Мы, конечно, не беремся описывать тогдашнее душевное состояние бедного Петра Степановича и даже недовольны, что связались с таким беспокойным героем. Если бы с самого начала знали, что Петр Степанович попадет в такой переплет, то лучше было взять другого героя, более спокойного и без таких ужасных приключений. Но, с другой стороны, позднее выяснилось, что с этим арестом Петру Степановичу безумно повезло, так что, пожалуй, выбор мы сделали все-таки неплохой.

Тогда же и сам Петр Степанович не догадывался о своей удаче и клял себя за неосторожность. Так ли уж необходимо было ему выступать на тех студенческих сходках? Только сейчас мы вспомнили, что когда Скоропадский, а вернее Деникин, захотели мобилизовать студентов, то Петр Степанович, во-первых, яро выступал на сходках, был, так сказать, против мобилизации, а во-вторых, он прапорщика Васильева один раз вытолкнул за двери под звонкие сочувственные аплодисменты студентов во время сходки, ибо Васильев вел себя уж больно нахально: то в одиночку пел «Боже, царя храни!», то кричал, что только «сволота может быть настроена против Деникина» и т. д. Вот Васильев теперь и сводит счеты, а мы изволь все это описывать!

Петр Степанович вообще хотел уехать из Харькова с Кириллом Петровичем на время, пока деникинская власть не устаканится, а потом бы вернулся, он уже знал, что первые дни после смены власти – самые беспокойные. Так их тут же, прямо в поезде, задержали чеченцы, вывели на платформу и велели показать документы. Кирилла Петровича, как человека уже немолодого, опустили, а Петра Степановича забрали с собой, даже вещи не позволили взять. Кирилл же Петрович так и остался на платформе, потому что поезд уже ушел.

Петра Степановича чеченцы отвели снова к вокзалу, сдали его под расписку поручику Кашперу и, препроводив в полуподвальное помещение с решетками, специально, еще при станковых приставках, предназначенное помещение, ушли. Петра Степановича, видать, считали большим преступником, ибо приставили двухчасовых: одного в помещении, вместе с Петром Степановичем, а другой начал ходить под окнами, заглядывая сквозь решетки. Только тут Петр Степанович пришел в себя, так сказать, начал осмысливать происшествие.

– Ходить нельзя по камере, а то прикладом шмагану! – заявил вдруг часовой, солдат, что сидел в одной комнате с Петром Степановичем,

– Почему?

– Не разговаривать!

– Может вы закурите! – вежливо предложил Петр Степанович.

– Закурить можно. Давайте... А разговаривать нечего! Поручиком строго приказано за вами следить, – сообщил страж Петру Степановичу, раскуривая папироску.

– Ваш поручик думает, что поймали Троцкого? Как вы полагаете?

– Разговаривать не велено. Услышат, и нагорит, – пробурчал часовой.

К вечеру Кирилл Петрович передал в камеру сумку с вещами Петра Степановича и записку, – не волноваться, а сам он, Кирилл Петрович, уезжает дальше по своим делам, ибо через Петра Степановича и так потерял два поезда.

Чтобы и читатель не волновался, мы сообщим ему немедленно, что Петр Степанович выйдет из этой истории более или менее благополучно, конечно, пережив многое в душе. Может быть, в будущем, под старость, все им пережитые потрясения отразятся на нервной системе Петра Степановича, но сейчас Кирилл Петрович все-таки явится ему на выручку. А Кирилл Петрович, надо вам сказать, был по тем временам и в том месте не такой уже пустяшный человек. Его уже где-то там назначили, а может, уже и выбрали головой думы, и Кирилл Петрович явится защитником Петра Степановича перед поручиком Кашпером как лицо официальное. Кирилл Петрович поручится головой, что Петр Степанович не большевик и что тут какое-то недоразумение. А поручик Кашпер, в свою очередь, пойдет на уступки Кириллу Петровичу и заявит, что он хотел только сейчас пустить Петра Степановича в расход, ибо на фронте некогда разбираться. Но раз за него заступился Кирилл Петрович, то теперь он может отправить Петра Степановича куда следует, и там очень справедливо разберутся, а если Петр Степанович невиновен, то его могут даже и выпустить.

Но все это будет потом, а сейчас, проспав относительно спокойно всю ночь, Петр Степанович открыл глаза, осмотрелся, осознал, куда он попал, и пришел в ужас. К его удивлению, в камере солдата не было, а на окне стоял солдатский котелок с молоком и лежал кусок свежего хлеба. Поразмыслив, Петр Степанович заключил, что и то, и другое принесено для него, благополучно выпил молоко, съел хлеб и, для удовольствия, закурил папироску. Еще прошло с час, и Петру Степановичу понадобилось выйти из комнаты. Он постучал в дверь и даже пробовал открыть ее, но дверь была заперта. Петр Степанович постучал еще раз, и скоро послышались шаги босых ног по ступенькам. Поворотили ключом в замке, еще повозились, и в дверях обнаружился крестьянский парняга с винтовкой на плече, висевшей на веревке.

– Чого тобі треба? – сердито обратился парень к Петру Степановичу.

– Выйти мне необходимо.

– До ветру? – Да.

Парень снял с плеча винтовку, вероятно, для устрашения, клацнул затвором, взял на изготовку и вывел Петра Степановича в сад. Когда же Петр Степанович, сделав свои дела, замешкался, желая немного побыть на свежем воздухе, парняга опять клацнул затвором и прикрикнул на него довольно грубо:

– Марш в камеру, довольно тут размудыковать! И снова запер дверь снаружи.

К вечеру в камеру привели еще одного постояльца – высокого молодого человека в белой кепке. Высокий молодой человек был сильно недоволен, что его сюда сажают, и уверял солдат-конвоиров, что он не шпион, а бывший подпоручик и что он будет жаловаться самому Май-Маевскому за насилие. Солдаты уверяли молодого человека, что они здесь ни при чем и что их дело маленькое: отвести куда прикажут, а если скажут стрелять, то и стрелять будут. Петр Степанович и молодой человек, по фамилии Дьячко, обнюхались, расска-

зали друг другу по очереди о своей беде, посочувствовали друг другу, покритиковали белогвардейцев и единогласно решили, что у красных – и то нет такого безобразия. Правда, еще позже они решили, что и белые – молодцы, и красные тоже хороши. Успокоившись, оба настроились на философский лад и даже начали высказывать свои мирозерцания.

– Ну, поймите вы, – говорил высокий Дьячко, запоем выкуривая сигарку, – говорят, что судьбы нет! Безусловно – судьба! Я служил в Сумаху большевиков, приехал сюда в командировку, а тут эти черти! Я поселился у своего знакомого в Люботине, а комната у них одна, дети кричат, муж и жена ругаются, на меня смотрят, как на нахлебника. Ну, я пошел час тому назад к коменданту и спросил: далеко ли белые продвинулись на Сиваш? Так он поднял крик, что я шпион, и потребовал документ. Даю ему документ большевицкий, – другого же у меня нет! Раскричался еще пуще. Вот вам результаты, – добавил товарищ Дьячко, указывая на камеру.

– Только судьба! – воскликнул он.

– Судьбы в природе нет, – заметил Петр Степанович тоном, не допускающим возражений, – в природе все закономерно. Мною жизнь так хорошо разгадана, мне так понятны все явления в природе, что дальше мне неинтересно даже жить. До сегодняшнего дня, вернее, до этого инцидента, я считал, что до политики мне нет никакого дела. Пусть, думал я, другие этим занимаются, а себя посвятил бы вопросам чисто такого... научного порядка. Но как вы будете этой наукой заниматься, если у вас нет места заниматься ею! Выходит, что сначала надо создать себе атмосферу, а для этого обязательно, – Петр Степанович здесь сделал ударение и даже поднял палец, – обязательно надо примыкать к какой-нибудь политической группировке. Вот только вопрос: к какой? Для меня безразлично, какая группировка, лишь бы были условия. Значит, надо угадать, какая группировка победит, к той необходимо и пристать. Идеи управления государством у меня нет! Я воспитывался как-то мимо этого вопроса.

– Безусловно, необходим царь! – запальчиво воскликнул т. Дьячко.

– Вот видите, – заметил Петр Степанович, – у вас уже есть идея, а я ее еще не имею. Мне, например, самодержавие противно, и хотелось какой-то демократической республики, а вместе с тем в политической экономии сказано, что всякое государство – насилие. Выходит, что нужно присоединиться до идей анархистов, но, конечно же, анархисты... В дикой стране анархисты! Ха!

Петр Степанович прошелся по камере, а потом продолжал:

– Вот большевики уже два раза занимали Украину, а толку нет. Видно и не думают возвратиться, иначе они не делали бы таких разрушений! Теперь пришли эти... На кой черт здесь нужно это трехцветное знамя! Подумаешь, – цаца! «Боже царя храни» распевают! Ей-богу, жить надоело!

Так долго еще разговаривали наши приятели и заснули только под утро. Утром их обоих повезли в контрразведку, которая тогда помещалась по улице Кацарской, кажется. К вечеру арестованных накопилось человек двадцать, а в 12 часов ночи отвели на Холодную гору в каторжную тюрьму, где нашего героя посадили в ротный корпус, в семнадцатую камеру.

Наутро Петр Степанович стал изучать новую, совершенно чуждую для него обстановку. Большая комната на втором или третьем этаже с двумя окнами на юг. В окнах массивные решетки, и в рамах нет ни одного стекла. В камере больше двадцати человек. Все они лежат на досках, положенных на массивные зеленые железные кровати, которые прикованы на шарнирах к стене и, видно, до революции на них надевались веревочные сетки, и они поднимались на день. Стены до половины выкрашены зеленой краской, и над каждой койкой нарисованы карандашом кресты, похожие на те кресты, какие дьяконы рисуют на дверях крестьянских хат, когда на Крещение господне ходят с водосвятием. Петр Степано-

вич прежде всего начал знакомиться с надписями под этими крестами, где было написано приблизительно так: «На этой койке лежал священник села Веселого, Жуковский, который был расстрелян кровопийцей Саенком. Мир праху твоему».

«Тут сидел казак, Кузьма Серебряков, якого убили большевики за те, шо он без спросу застрелив попа и буржуя. Туда тибе и дорога чорту!»

«На этой койке, на месте, застрелил Саенко генерала в висок. Только ножкой дрыкнул».

Таких крестов было много и везде почти упоминалось имя Саенко, который, судя по надписям, очень старательно стрелял людей здесь же в камере, в коридоре, увозил генералов и попов на автомобилях. Камер в Харьковской тюрьме очень много, и если везде есть такие надписи, так, видно, много Саенко пострелял людей!

В противоположную сторону от окон располагалась зеленая дверь с маленьким «глазком», и тут же стояла вонючая параша.

Петр Степанович после осмотра камеры начал знакомиться с арестантами и удивился, что здесь нет никого значительного. Один извозчик сидел за то, что носил кожаную фуражку, и какой-то офицер отправил его в тюрьму, потому что принял за комиссара. Сидел тут надзиратель бывшей Александровской больницы, старик Волков; он только недавно был выпущен из этой же тюрьмы, где сидел при красных за контрреволюцию. Смирно лежали два латыша – рабочих на своих местах из ВЭКа (впоследствии переименованного в ХЭМЗ, но тогда об этом еще не было известно), за то, что они латыши. Больше сидели евреи, видно, за то, что они евреи. Интересных знакомств почти не было, если не считать анархиста Бржезовского, постоянно занятого какими-то делами за стенами тюрьмы и озабоченного все новыми и новыми приспособлениями, чтобы передавать и получать письма. Еще был интересный заключенный, т. Чалый, или Альберт Джонс, бывший командир бронепоезда красных, но говорили, что его за что-то ревтрибунал присудил к расстрелу, а расстрелять не удалось: т. Чалый на автомобиле скрылся. Пожалуй, самым интересным арестантом надо считать полковника Рябцева, или Алексева, как он подписывался, когда писал военное обращение в какой-то харьковской газете, кажется «Социал-демократ». Но Петр Степанович с ним посидел недолго, ибо полковника водили в контрразведку, а на обратном пути зарубили шашками. Его уколошили, вроде бы, за отказ работать при штабе Деникина.

В то время, когда в каторжной тюрьме сидел Петр Степанович, белые офицеры, не имевшие отношения к тюрьме, приходили сюда, как ходят в музей, выстраивали арестантов в ряды и иногда били, до крови били евреев. Петру Степановичу будто бы ни разу не попало, да он, конечно, и старался стать в задних рядах, чтобы быть подальше от офицерских ласок. А один раз, так приехал генерал какой-то, но этот приезжал за делом: он каждого спросил, за что сидит, записывал в Bloc-Notes и обещал ласково ускорить дело. Надо думать, что арестованных уже некуда было сажать, и генерал задался целью неважных освободить, чтобы было место для важных.

Бедный Петр Степанович начал на третий и четвертый день своего пребывания в тюрьме испытывать чувство голода. Выдавали только порцию хлеба да тухлую капусту, но и той мало. Петр Степанович как спокойный человек научился к голоду, к офицерским экскурсиям и вообще ко всему относиться апатично. Что же касается товарища Дьячко, то этот чуть не набрасывался на тех, кому носили из города передачи. Особенно т. Дьячко возмущала одна группа евреев: им ежедневно приносили великолепный польский борщ в банке, где они каждый раз находили в зашитой резинке письма от своих, получали вареники, мясо, зажаренную птицу. Евреи наедались до отрыжки, спокойно посматривая на остальных голодающих, и с удивительным спокойствием и равнодушием прочищали зубы. Товарищ Дьячко в таких случаях шептал:

– Я, ей-богу, сейчас на них наброшусь! Не могу! Что это за безобразия!

Один раз т. Дьячко даже заявил громогласно перед администрацией тюрьмы на проверке:

– Передачи пусть делят поровну между всеми или же совсем не принимать!

На что администрация ответила насмешливо:

– Сразу видно, что большевик! Хе! Или поровну – или никому! Мы, слава богу, признаем собственность, а потому пусть лопают каждый то, что у него есть.

Мы не знаем, что стало с т. Дьячко и вообще со всеми сокамерниками Петра Степановича, но касательно его самого читатель уже предупрежден. Не прошло и двух месяцев, как заступничество Кирилла Петровича дало о себе знать, и Петра Степановича выпустили, хотя и велели ежесубботно являться в полицию регистрироваться. А вскоре, в ноябре месяце, пришли большевики, застали Петра Степановича в одной деревне и снова заставили держать руки вверх, даже раздели, и очень долго не верили, что Петр Степанович им сочувствует. В-третьих, налетали два раза махновцы и бедный Петр Степанович тоже оба раза им сочувствовал. Наконец, жизнь как будто бы стала относительно приходить к стабильности: пошли пайки, снова институт, столовки с бесконечными очередями, анкеты. Нелегко пришлось Петру Степановичу в институте.

Гражданская война, хотя Петр Степанович в ней как будто и не участвовал, помяла его значительно – морально и физически. Особенно тяжелыми были моральные раны. Ведь, поймите: Петр Степанович воспитывался по программе старой школы, помимо программы читал бессистемно разные книжки и считал, что мировоззрение его определилось. Студенчество Петр Степанович представлял себе примерно так: в поношенной тужурке, в форменной засаленной фуражке посещает он студенческие вечеринки, где поет «Налей, налей бокалы полней!» и где, конечно, присутствуют курсистки. Петр Степанович не прочь был бы и пойти принять участие в демонстрации по улицам города, так сказать, попротестовать немножко перед начальством, и даже готов был бы немножко пострадать при обстреле казаками демонстрантов, – ну чтобы, скажем, пуля прострелила рукав тужурки, что ли. Гражданская война разорила все мечты, все планы Петру Степановичу.

Вместо привычных студенческих тужурок пошли френчи, галифе, солдатские шинели, серые солдатские шапки; в институте появились малограмотные рабфаковцы, возглавлять институт назначили второстепенного профессора и то под контролем какого-то там политкомиссара. Экзамены превратили во что-то обычное, повседневное: бывало, настигал студент на улице профессора и просил проэкзаменовать его. Садись профессор и студент на первопопавшемся подъезде и экзаменовались. На студенческих сходках заняла руководящую роль всякая, как выражался Петр Степанович, шваль. Перестали деканствовать и ректорствовать солидные профессора: стали занимать эти должности подхалимы, подлизы и карьеристы. Всего того мы не в силах перечислить, что отравляло Петру Степановичу существование. Вообще же Петру Степановичу казалось, что руководящая роль попала в руки людей нестоящих, мелочных, несолидных прожигал и которым все трын-трава.

На Петра Степановича напала прямо-таки меланхолия. Всякие начинания большевиков он находил искусственными, дутыми, граничащими с глупостью.

Не понравилась Петру Степановичу реформа средней школы. Нарушение советской властью прав частной собственности Петру Степановичу казалось святотатством. Будучи человеком не религиозным, он все же не сочувствовал тому, что церкви пошли на разор и запустение, а, например, извлечение ценностей из церквей на голодающих нашего героя возмутило, и он очень сочувственно относился к противлениям патриарха Тихона. Правда, Петр Степанович в то время совершенно не читал газет, и всякие новости до него доходили устно. Например, понесет Петр Степанович на продажу на толкучку выданную в институте гимнастерку и услышит разговор, скажем такого содержания:

– Слышали, Алла Петровна, – говорит одна бывшая буржуйка другой, – уже и на Журавлевке в церкви забрали золотые кресты, чашу... и, говорят, когда начали вынимать из иконы пречистой матери алмаз, то она как заплачет... как заплачет... А они, изверги, даже шапок не сняли!

Живая газета вещь хорошая, да еще на Благбазе, но она может ввести человека в заблуждение, сбить с толку своим неправильным освещением фактов. Петр Степанович был окружен публикой, не сочувствующей советской власти, – конечно при условии, если ее об этом не спрашивают официально, – как например, жильцы докторского дома. В институте Петр Степанович вел знакомство со студенчеством с убеждениями такого же направления, как и его, Петра Степановича, а с коммунистами если и приходилось иметь дело, то из боязни наш герой улыбался, хихикал, хотя в душе презирал их и считал себя неизмеримо выше всех коммунистов, взятых вместе.

Еще бы – у Петра Степановича была почти собственная теория мировоззрения, а эти брандыхлыстики только и знали заученные слова: «Наша страна в опасности! Капиталистическое окружение железным кольцом охватило задыхающуюся бедноту! Начиная от Колчака и кончая!!!» То ли дело: «Мир состоит из пространства и материи. Материя составляется из сотни простых элементов, способных между собой соединяться, комбинироваться и образовывать массу разновидностей природы, какая нас окружает...». Вот только жаль, что не дают этим заниматься спокойно и совершенствоваться.

– Большевизм есть опыт, но разве его можно делать в государственном масштабе? – так говорил Петр Степанович в кругу однодумцев.

Правда, хотя Петр Степанович и не сочувствовал, но активно не противился, между нами говоря, боялся за свою шкуру. Во всех анкетах, официально, Петр Степанович писал, что большевикам сочувствует, а в душе нет, не сочувствовал.

А вместе с тем Петру Степановичу не хотелось больше переворотов. Он так рассуждал: какая бы власть ни пришла, все равно придет голышом, без всяких материальных средств. Вместо хлеба власти, какие бы они ни были, одинаково будут клеить воззвания, постановления и все такое. При большевиках хоть можно стало говорить, правда, в приятную для них сторону, а при других властях даже этого нельзя было делать. Ни одна их многочисленных властей Петру Степановичу не нравилась, но конкретно он и сам не знал, какой ему хотелось бы власти.

– Нужна такая власть, при которой хорошо бы всем жилось, – так казалось Петру Степановичу. И он задумался: не пробраться ли за границу, скажем, в Швецию, где совсем не было войны? Но это легко подумать! А чтобы сделать – для того нужно быть, по крайней мере, Следопытом из романа Фени-мора Купера.

И вот стал Петр Степанович ко всему окружающему относиться скептически: исправляли на улицах Харькова мостовые, Петр Степанович не верил, что и завтра будут исправлять; улучшалось трамвайное движение, Петр Степанович считал, что добьют последние вагоны, а потом, где их взять? Вместо паровозов стали делать зажигалки, дома разорены, мосты взорваны, скот поражен чесоткой, медикаментов нет, государственный строй не налажен. В общем, надо было быть большим оптимистом, чтобы поверить, что порядок когда-нибудь будет восстановлен. Петр же Степанович, как мы уже сказали, был настроен скептически, и вместо того, чтобы активно участвовать в восстановлении порядка, он стоял в сторонке и только наблюдал. Но надо отдать справедливость нашему герою и в некоторой его активности, особенно тогда, когда он узнавал, что в институте студентам выдают шинели, костюмы из солдатского сукна, белье и всякое такое. Большевики, видимо, заботились о студентах по мере сил: навезли в институт шинелей, штанов, шапок, гимнастеров и ботинок. В таких случаях Петр Степанович стремился захватить одно из первых мест в очереди и тем, кто хотел получить одежду без очереди, доказывал:

– Здесь-то вы бедовые, в тылу, а попробовали бы...

Кто не знал Петра Степановича, смотрели на него с уважением и считали, что он, очевидно, бывал на фронтах, много страдал за революцию, и выдавали ему экипировку одному из первых. Петр Степанович, хотя и признателен был за это, ибо одежда подоспела впору, и Петр Степанович в ней очень нуждался, но считал такую заботу мерой паллиативной и ни к чему не ведущей. Ну, достали шинелей, гимнастеров и шапок, а далее где они наберут? В общем, Петру Степановичу все казалось, что коммунисты доживают свои дни, и не позже вот-вот этих дней должно все рухнуть.

Физические раны Петром Степановичем были получены, главным образом, в условиях частого держания вверх своих рук, что расстроило ему нервы. Правда, к физической ране надо отнести и фурункулез, который нарядился на правой ноге Петра Степановича так удачно с двух сторон, что когда он зажил, можно было подумать, что получено ранение пулей навылет. Когда фурункулез залечился, то это физическое ранение Петру Степановичу не причиняло каких-либо неудобств, а наоборот: при случае Петр Степанович показывал это место ноги и многозначительно говорил:

– Это меня расстреливали белые, но неудачно.

Но все равно нервы у Петра Степановича были сильно развинчены, и он болезненно реагировал на всякие ненормальные явления: вокзальная грязь, уличные беспорядки, сидение в помещениях в шапках, лузгание семечек и т. д. страшно действовали на нервы. Появились периодические боли в голове, стали дрожать руки, и мучила ночами бессонница. Пришлось даже сходить два раза к профессору по нервам Платонову.

– Покой, чистый воздух и питание, – посоветовал профессор в оба визита.

Эх... покой, чистый воздух и питание! Не вы бы, профессор, говорили, не Петр бы Степанович слушал! А вы, профессор, знаете, что Петру Степановичу необходимо за четыре дня прочитать «Общее земледелие» и сдать профессору Егорову? А вы знаете, профессор, что хотя Петр Степанович и живет в кабинете знаменитого доктора, но из печки в сорок три кирпича тянет дым при условии высокого давления воздуха? А вы, профессор, знаете, что у Петра Степановича осталось муки только на две порции галушек, и негде этой муки взять? Профессор Платонов растревожил нашего героя еще больше.

К весне 1921 года Петр Степанович пришел в совершенное отчаяние. Но разве тогда в отчаянии был только Петр Степанович? Вспомните-ка весну 1921 года! Кошмар! Караул! Разгар голода! Кругом страны блокада империалистов, транспорт развалился, хлеба нет, страна Советов задыхалась. Все были в отчаянии! Не оправдываем мы своего героя в одном, что он только критиковал власть и усматривал только плохие стороны во всех ее постановлениях, декретах, мероприятиях, а ничего конструктивного со своей стороны не предлагал.

И 1922 год, казалось Петру Степановичу, будет не лучше. Мало ли что они там говорят про какую-то новую экономическую политику! Единственной путеводной звездой и утешением Петра Степановича осталось приближение к окончанию института. Вот еще три-четыре зачета, и цель достигнута. Несмотря на многочисленные невзгоды, жизненные бури, Петр Степанович к апрелю месяцу институт закончил. Он отряхнул его прах от ног своих, хлопнул парадной дверью и пошел в докторский кабинет собирать пожитки, чтобы завтра его оставить, выехать из города и окунуться в новую жизнь.

IV

Да, да, Петр Степанович начал укладывать вещи и сегодня вечерним поездом уедет служить в Задонецк, уездный городок, где учился в реальном училище, а потом и учительствовал одно время. Укладывая вещи, Петр Степанович напевал:

Смело мы в бой пойдем
За власть советов!
И, как один, пропьем
Мы кровь кадетов!

Одновременно с Петром Степановичем ехал на работу старшим агрономом в тот же город и Иван Григорьевич Жгутик, украинский националист, участвовавший активно в бандах Симона Петлюры, но как-то легализовавшийся при советском строе.

В Райсельхозсоюзе правление нашло Петра Степановича больше подходящим для службы по хозяйственной линии, и ему поручили заведовать паршивеньким совхозом, который назывался культурно-семенным хозяйством. Что касается Ивана Григорьевича, то его сразу назначили агрономом союза. Жалованья положили для Петра Степановича шесть пудов ржи, а Ивану Григорьевичу восемь пудов ржи в месяц.

Культурно-семенное хозяйство было маленьким, всего на 50–60 десятин, и цель его – выводить сортовые огородные семена, в ограниченном количестве – полевые культуры, а самое главное, – культивировать и выращивать плодовые деревья для раздачи сельскохозяйственным товариществам уезда.

Петр Степанович приехал в культурно-семенное хозяйство и застал его примерно в таком состоянии.

В центре усадьбы стоял большой деревянный дом, в каких раньше жили захудалые помещики; окна в нем были забиты парниковыми рамами без стекол, и воробы, весело чирикавая, проскакивали в дырки рам с пушком в клюве, часть их пролетала под заржавленную крышу, в остатки водосточных труб и, очевидно, была занята помещением гнезд. Рядом с домом, направо и налево, стояли полуразрушенные деревянные амбары, с ободранными цинковыми листами. Листы же были сорваны населением, скорее всего, для поделки самогонных кубов. Во флигеле, что стоит в стороне, вероятно, кто-то живет: крыша подправлена, окна заставлены и на пороге белеет свежая доска, вставленная недавно хозяйской рукой. Через дорогу, в другом дворе, растянулась воловня, тоже полуразвалившаяся, и возле нее стояли над корытом четыре чесоточных лошади, лежало шесть серых волов, но настолько худых, что трудно было предполагать в них силу самостоятельно подняться. В общем, усадьба носила полный отпечаток всех тех ураганов, какие прошли через нее за то бурное революционное время. А голодовка двадцать первого года усугубила печать настолько, что хозяйство, которым Петру Степановичу предстояло заведовать, могло наводить одно лишь уныние. Только густые заросли вишняка, старых груш и яблонь да пирамидальные тополи немного освежали вид и веселили глаз.

Первое, на что обратил внимание Петр Степанович, еще только подъезжая к усадьбе, были коровы, которые ходили по плодовому питомнику и объедали молодые веточки. Чувствуя себя хозяином питомника, Петр Степанович не вытерпел, соскочил с тарантаса и сам выгнал скот из питомника, выругав пастухов.

Как только Петр Степанович въехал во двор усадьбы и вылез из тарантаса, его окружили три собаки, и одна из них ухитрилась вырвать кусок штанины нового заведующего. Подбежали два человека, отогнали собаки весело Петру Степановичу заулыбались, будто бы

это явился не Петр Степанович, а родной отец. Но Петр Степанович был занят порванной штаниной и не заметил даже, поздоровался ли он с людьми или нет.

Улыбающимися людьми были два молодых человека: Григорий Васильевич Кузнецов и Николай Захарьевич Жовтобрюх. Оба они, как впоследствии выяснилось, окончили низшую садовую школу в прошлом году, и первый, Григорий Васильевич, с добродушным лицом и с белокуренькими, мышачьим хвостиком, усами, заменял пока что заведующего культурно-семенным хозяйством, а второй, Николай Захарьевич, с черными, пронырливыми глазками, с бритой физиономией, выполнял обязанности ключника.

– Так это у вас тут культурно-семенное хозяйство? – насмешливо спросил Петр Степанович, садясь на крылечке флигеля. – Лошади у вас нельзя сказать, чтобы были культурно-семенными; волы тоже видать тово...

– Заштопались окончательно, – весело, как будто даже радуясь, сказал Григорий Васильевич.

– Питомник, я там видел проездом, тоже не особенно культурно-семенной, коровы там что-то его очень рано окулируют. Что же у вас тут интересного есть? – продолжал Петр Степанович, подперев в раздумье голову рукой, поставив локоть на колено.

– Ну, ото, четыре лошади есть, шесть волов есть, свинья поросная есть, – начал информировать Григорий Васильевич весело. – Ну, еще есть семена на посев, а бугай племенной вчера богу душу отдал; овса немного уже посеяли, а сегодня не сеем, бо воскресенье. Посеяли полдесятины дичков, яблонь и груш, еще с осени. Ну, еще что там... плуги есть, сеялки есть. Все есть, только корма скоту нет: крышами кормим, – пояснил Григорий Васильевич.

Из флигеля вышел дед Демид, подошел к группе, поздоровался, покашлял и сел невдалеке от Петра Степановича.

– А вы, дедушка, какие обязанности здесь выполняете? – обратился к деду Демиду Петр Степанович, вынимая портсигар и закуривая папиросу из развесного безакцизного табаку.

– Плотничаю, – ответил дед. – Вот довели сукины дети, коммунисты, видишь до чего? – показал он на лошадей, а потом на скелет крыш. – Царя скинули, бога, говорят, нетути, голодом, босята, мучают! Може вы и сами с этих супчиков будете, а я раскудахтался?

– Нет, я не коммунист, – как-то гордо заявил Петр Степанович, но без комментариев, так как в своих суждениях надо быть осторожным.

– Н-да... – протянул дед, – церкви грабят, жен своих прогоняют, на гимназистках женятся: запановали... Вот как придет великий князь наш, Николай Спиридонович, то он, наш батюшка, покажет им! Он им насыпет перцу на хвост, даст стосунчика, и... полетит эта сволота.

– Вы, все-таки, дедушка будьте осторожны, а то теперь стены слушают, – предупредил деда Демида Петр Степанович.

– Ничего не будет... моих два сына в коммунистах! Безбожники, сукины сыны! Забыли отца, мать... Воруют народное добро, батькам шиш! Мол, на черта вы теперь нужны!

Так мирно беседа проходила еще часа два, пока оба молодых человека рассказывали Петру Степановичу свои взгляды на большевистскую власть, да и торопиться было некуда: сегодня воскресенье, и работа не производилась. Выяснилось из разговора, что оба молодых человека таких же точек зрения, как и дед Демид, а когда к вечеру пришел ночной сторож, Макар, бывший из городских, и еще два рабочих от скота, Фанасий и Митро, и когда Петр Степанович познакомился со всем этим штатом, а он это и был весь налицо, когда Макар, Фанасий и Митро тоже проговорились и выругали несколько раз власти, то Петр Степанович сразу сориентировался в своем положении и наметил план своих дальнейших действий. Что ни говори, а теперь он был уже не студент, который может все критиковать, а в некотором роде начальник, это – совсем другое.

С понедельника Петр Степанович начал уже хозяйствовать – и, несмотря на неопределенность своих политических взглядов, довольно-таки успешно. Он собственноручно вылечил чесотку у лошадей, ухитрился за счет будущего урожая достать скоту корма и нанять плотников для ремонта дома и крыши на амбарах, обгородил питомник колючей проволокой и через два месяца привел усадьбу в образцовый порядок. В поле и в саду тоже появились признаки хозяйского глаза: питомник, хотя и застарелый и загрызенный коровами, Петр Степанович подчистил, оставил при ветке хорошую свежую почку, от которой ожидал веточки на каждом изувеченном коровами деревце, навел правильные линии границ между культурами, привел в восхитительный вид шкалу дичков (яблонь и груш), и Петру Степановичу присвоили в райсельхозсоюзе название «хорошего хозяина».

Петр Степанович заслужил это звание: он при поездках никогда не гонял лошадей, ездил трусдой, завел порядок на конюшне, чтобы Макар запрягал хорошо лошадей, хорошо их чистил, следил за выдачей овса, сам лично дежурил в сарае, когда опоросится свинья, чтобы предупредить несчастье, ночью проверял сторожа, требовал от деда Демида, чтобы он, кроме ругни по адресу большевиков, приносил бы хозяйству пользу, что деду Демиду очень не понравилось.

Сначала штат поартачился, даже жаловались на Петра Степановича в только что организованный в городе союз, но увидели, что из этого ничего не будет и что надо подчиниться воле Петра Степановича. У Петра Степановича появились свои собственные девизы: например, если, что начинать делать, то делать не как-нибудь, а основательно; если задумал что-либо провести в жизнь, то проводи немедленно, не откладывая в далекий ящик; если назначил определенное время для поездки куда-нибудь, никогда не ленись подняться с постели, хотя бы это было и в двенадцать часов ночи.

Упорство в Петре Степановиче появилось прямо таки поразительное! В революцию, как вам известно, попривыкали ездить через луг, где ездить не полагается, рубить посадки в совхозах, пасти скот в запрещенных местах, а в случае приезда заведующего – грозили убить, выкрадывали двери из возовни, выкапывали ночью вику с овсом на зеленый корм, и так далее. Петр Степанович начал проводить в жизнь мероприятия, чтобы число таких анархических явлений с каждым днем уменьшалось.

Когда об этих мероприятиях узнавали в райсельхозсоюзе, то с удивлением Петра Степановича спрашивали:

– Как вам удалось это провести в жизнь? Ведь вот т. Козапалов настолько хитер, и то ему не удалось это сделать!

– Видите, – отвечал Петр Степанович, – той или иной мерой можно направить речку в русло по твоему желанию, но необходимы жизненные меры. В сельском хозяйстве много неприятных явлений: дождь идет, когда он тебе не нужен, заморозки появляются во время цветения садов, воры выкрадывают ульи из пасеки, сельские едут практически через посев; все это явления одного порядка. Если вы не досмотрите, и жеребец ночью сорвется в конюшню с привязи, то перегрызет других жеребцов и наделает рикошету. Значит: в конюшне я делаю ответчиком конюха, и жеребец срываться не должен, иначе конюха прогоню со службы; сторож – ответственный за ценность имущества в хозяйстве во время его сторожи; садовник отвечает за плохую окулировку, за неумение вовремя уничтожить гусеницу в саду и т. д. Никогда не надо сердиться на крестьян, когда они ездят, скажем, через луг или посев, – а надо сейчас практически поставить себе задачи: как в данном случае поступить, чтобы локализовать отрицательное явление? Были случаи, когда я выезжал на сходы в деревне и целые речи произносил, что плохо будет, когда мы начнем все ездить по посевам навпростоц.

Открылись в Петре Степановиче еще некоторые америки: лучше и дешевле от Петра Степановича никто не купит на ярмарке лошадей; Петр Степанович может выгодно купить стог сена, продать что-нибудь. Такие люди, как Петр Степанович, как оказалось, не могут

быть в финансовом затруднении. Петр Степанович хоть из-под земли изыщет средства или найдет этот самый наикратчайший путь, какой целесообразнее всего проведет в том или ином случае.

Петр Степанович по поручению правления приобрел в хозяйство двух племенных жеребцов, двух бычков, купил хряка, и хозяйство начало обслуживать членов товарищества. К лету хозяйство приобрело вид прямо таки замечательно образцовый! Появились экскурсанты, по воскресным и праздничным дням стали приезжать из города барышни, кавалеры, дамы, мужчины и просили у Петра Степановича посмотреть, как произрастают дички, семенная капуста, фасоль-бомба, люцерна, помидоры сладкие и кислые, морковь и т. д. Петр Степанович, если был свободен, очень охотно объяснял, показывал, давал советы.

Часто в хозяйство приходил член правления Дмитрий Петрович Шкодько, у которого непосредственно был в подчинении Петр Степанович. Дмитрий Петрович – беспартийный, а раньше был эсером, по образованию агроном, красивый, умный и отличался своими остроумиями. Дмитрий Петрович никогда не корчил из себя начальство, а все распоряжения исходили от него в виде советов, приятельских предложений, но почему-то подчиненный чувствовал, что именно так и надо сделать. Дмитрий Петрович приходил в хозяйство и сейчас приступал к какой-нибудь работе: то начинает возиться на пасеке (он был отличным пчеловодом), то садовническим ножом делает обрезы на яблонях или малиннике (он и садоводом был отличным), то занят окулировкой, то начнет выкапывать картофелины, чтобы посмотреть, насколько они выросли. Дмитрий Петрович постоянно чем-нибудь занят. Если, скажем, застанет в хозяйстве Дмитрия Петровича дама, то он будет брэнчать на гитаре и во время игры дает свои распоряжения, советы. Мы более жизнерадостного человека и более делового не встречали, как вот Дмитрий Петрович. Если бы Дмитрий Петрович приписался в свое время к коммунистической партии, то был бы наименьше, как наркомом земледелия! По крайней мере, такого мнения был о нем Петр Степанович.

В хозяйство иногда приезжали из ЧК с обыском, с допросами и требовали мешок овса, яблок, груш. Чекисты заставляли запрягать племенных жеребцов, проезжали их до мыла, ругались и грозили, что они разгонят это контрреволюционное гнездо, требовали самогону и хорошего приема; после самогона, когда плохо уже держат ноги, чекисты пробовали стрелять собак, ворон, и один раз подстрелили даже поросенка. Но это же было в 1922 году, когда всякая шваль присосалась к советской власти и ее подрывала, пользуясь своим служебным положением!

1922 год – это год переходный, переломный, когда началось укрепление советской власти, когда, вопреки ожиданиям Петра Степановича, урожай начинал всех радовать, а заводская промышленность тоже стала на путь к прогрессу. Летом 1922 года, как говорят, организм нашей страны пережил тот кризис, когда больной или выздоровеет или умрет. После кризиса дело пошло на улучшение. Это стало заметно: появились машины, стекло, железо, керосин, спички, мануфактура, скот, – правда, в недостаточном количестве, но ведь и этого не было. С 1922 года, с лета, учреждения стали принимать вид учреждений: начали посетители шапки снимать при входе в учреждение, появились вывески «не курить», «не плевать», и даже стало можно наскочить на неприятности, если ввалиться в учреждение, не почистив ног и не бросив на дворе окурка. Всякие преды, завывы и секретари уже надевали костюмы, галстуки... Стали бриться два раза в неделю, подстригаться, подчищать ногти, а кое-кто перед службой одеколоном взбрызгивается.

Значит, Петр Степанович, как мы уже упомянули, прослыл хорошим хозяином. А почему? Какие стимулы, так сказать, побуждали к этому Петра Степановича? Советской власти он хотя и сочувствовал, но это, между нами говоря, в официальных анкетах, а на самом деле, мы знаем, ему хотелось такой власти, при которой хорошо было бы жить. Так что отношения к власти не могли служить стимулом, побуждающим Петра Степановича из

кожи лезть. Но ведь и против властей он не стал бы переть. Такие люди, как Петр Степанович, не годятся ни для экономического саботажа, ни для шпионства. Для того чтобы быть злостным врагом власти, надо уметь поджигать, убивать, выдавать, хитрить, вообще делать побольше вреда. Петр же Степанович относился к той категории людей, которые слишком уж сильно зависят от сиюминутных обстоятельств и действуют по воле этих обстоятельств. Если, допустим, до него заскочит генерал во двор и будет просить его спрятать от большевиков, что хотят его застрелить, так Петр Степанович его спрячет и не выдаст; а если случится большевику спрятаться у Петра Степановича от генерала, что сейчас только хотел расстрелять большевика, то Петр Степанович спрячет и большевика. А где же принципы? – спросите вы. Мы не знаем. Из-за отсутствия у Петра Степановича принципов мы даже одно время подумывали перестать писать о нем и взять кого-нибудь попринципиальнее, погероичнее, кого любая власть уважает и держит при себе.

Но потом мы подумали: что же Петр Степанович... Он же не один был такой. И нам захотелось разобраться в обстоятельствах, каковые направляли жизнь всех этих Петров Степановичей в великую эпоху, когда тон задавали люди самых высоких принципов. Почему, к примеру, Петр Степанович оказался хорошим хозяином в такое трудное для советской власти время?

Мы думаем, что в данном случае сыграли роль шесть пудов ржи месячного содержания – с одной стороны. Во-вторых, Петра Степановича приняла на службу не советская власть, а правление райсельхозсоюза, которое могло бы уволить его при несоответствии своему назначению. И, в-третьих, у Петра Степановича оказалась от природы такая уж хозяйственная струнка, Петр Степанович был бы таким же отличным хозяином и у помещика, и у Махна, если бы восторжествовала его власть (мы, конечно, ни в коем случае не хотели бы этого, это мы так говорим) и существовали службы, где можно было бы хозяйствовать, и при любой власти Петр Степанович мог быть только хорошим хозяином.

Увидев, что им интересуется правление райсельхозсоюза, Петр Степанович почувствовал под собой твердую почву, в нем стала появляться солидность, уверенность в своих действиях, авторитетность, и Петр Степанович постепенно стал превращаться в солидного спеца. Григорий Васильевич, Николай Захарьевич, дед Демид, Макар, Фанасий и Митро обязаны были его во всем слушаться, повиноваться его требованиям, выполнять аккуратно поручения. Петр Степанович свой штат не обязывал приходить в контору и слушать его разговоры, но сама жизнь как-то так сделала, что к вечеру все обязательно приходили и слушали то, что говорил Петр Степанович.

На таких вечерних собраниях в конторе Петр Степанович сначала выкладывал свои планы на завтрашний день, благосклонно их менял, если кто-нибудь из присутствующих вносил мотивированные изменения, а дальше, когда наряд составил и был записан в книгу, Петр Степанович начинал говорить на отвлеченные темы. Таким разговором Петр Степанович не преследовал каких-нибудь просветительских там целей, это была его болезнь – разговаривать на философские темы. О чем Петр Степанович только и не говорил на собраниях в конторе! Он говорил о микробах, об атомах, о теории вероятностей, о выборе маточной коровы, об удивительных свойствах пчел и о том, что занимающиеся пчеловодством постоянно облагораживаются; говорено тут было о землетрясениях, о клеточках растительных тканей, о нитробациллах, об арабской лошади и славных производителях – Годольфине-Арабиане, Дариет, о Сметанке. Петр Степанович беседовал и на политические темы: о революции вообще и в частности, о честолюбии революционных деятелей, о диктатуре людей, о том, что еще до сего времени существуют войны, критиковал мероприятия коммунистических властей. О чем здесь только не говорилось!

В конце концов, штат Петра Степановича принял особенный даже внешний вид. Фанасий, например, из неряшливого парня превратился в чистюлю и аккуратиста. Макар очень

заинтересовался пчелами и наотрез перестал пить водку и курить. Николай Захарьевич купил себе фетровую шляпу, хоть и старенькую, желая казаться культурным человеком. Григорий Васильевич так глубоко поверил в силу витаминов, что начал съедать в день две цибарки помидор и заявил, что он теперь мяса в рот не возьмет. Митро перестал расхваливать царя Николая II и даже стал считать его своим врагом, а дед Демид не только стал лечить трахому, разъедавшую ему до этого времени глаза, но перестал избивать свою бабу, что проделывал раньше очень часто.

Петр Степанович никогда не навязывал своего мировоззрения, своих взглядов, а только их высказывал. Если же его точки зрения укоренились в штат хозяйства, то по этому только можно судить, что большинство людей есть плодородная почва, на которую высевай семя, как-нибудь заборони боронкой, и семя взойдет. Бывали случаи, что кто-нибудь – Николай Захарьевич и даже Фанасий – возражали Петру Степановичу, но последний умел их убеждать в ошибочности их аргументации. Особенно много было самостоятельности у каждого из подчиненных Петру Степановичу людей в вопросе религии и организации государственного управления. Такие вопросы как атомы, микробы, геологические явления и т. д. принимались всеми безапелляционно, как аксиома, но о боге и государстве, – совсем другое дело.

Дед Демид считал самым правильным управление государством при наличии царя, но царя умного, а не такого барахла, как эти пропойцы Романовы, о чем дед Демид узнал от Петра Степановича. Дед Демид считал, что царя надо выбирать, посадить его на хорошее жалование, дать ему хорошую квартиру, обязать жениться на русской, и тогда, по мнению деда Демида, жизнь пошла бы очень хорошо. В подтверждение своих правильных доводов дед Демид приводил примеры из жизни пчел, указывал на стадо коров, возглавляемых бугаем, даже на хозяйство, где есть тоже царь в лице Петра Степановича, и страшно сердился, когда ему возражали. Об уничтожении религии, по мнению деда Демида, могут говорить только дураки и бандиты; при этом приводилось много примеров из личной жизни, когда только бог выручал деда Демида.

Афанасий сначала был религиозен и тоже монархист, но под влиянием лекций Петра Степановича резко изменил свои взгляды: он стал почти коммунистом и даже стал предлагать средства в целях проведения коммунизма.

– Выбить и перевешать в каждом селе, кто мешает жизни! Подпалить все деревни и хутора, разбить все поля на клины, хотя бы на семипольный севооборот, построить каменные дома поквартирно, общие загоны, конюшни, овчарни, свинарники, инвентарные сараи, водопровод и все то, что нужно в таком большом хозяйстве. Выбрать старосту, уничтожить деньги, утром делать наряды на работу, ссыпать хлеб в общие магазины, ввести пайки, иметь магазины одежды, где все берется без денег, и по системе отгружать хлеб по указанию центров. Завести лошадей хорошей породы, поставить симментальский скот, тонкорунных овец, построить фабрики и заводы, чтобы зимой не сидеть без дела.

Что касается остального штата, то он своих взглядов не имел и почти всегда был согласен с Петром Степановичем.

V

Как у хорошего хозяина, у Петра Степановича постоянно были дела в городе: то нужно поехать в правление, выписать досок для ремонта станков в конюшне, то требуется заехать в моботдел и зарегистрировать племенных жеребцов, в другом месте необходимо побывать и принанять плотника, там... да мало ли дел у делового человека! Между делами Петр Степанович черпал и духовное удовлетворение: там поговорит с приятелем Иваном Григорьевичем на отвлеченные темы, тут перекинется парой теплых слов с бухгалтером склада и пообещает ему обязательно прислать сладких помидор, скажет, остро и умно скажет, Анастасии Васильевне комплимент. Все это между делом. Хотя это «между делом» и было главной духовной пищей для Петра Степановича. Можно было бы сегодня не явиться в моботдел, и даже не к спеху, да и плотники сейчас не нужны, но нельзя же ехать в город без дела! Надо его придумать. Конечно же, прямое дело от этого у Петра Степановича не страдало, он ехал в город, когда можно ехать. В жнитву, например, так Петр Степанович совсем две недели не ездил в город. Еще бы: уборка, молотба!

Особенно приятно было Петру Степановичу вести разговоры со знакомыми из всех ведомств уезда, штатскими и военными, партийными и беспартийными. Например, в земельном управлении Петру Степановичу приятно было побеседовать со своим партийным товарищем по институту, с которым можно было обо всем разговаривать, даже ругать советскую власть. Однажды Петр Степанович этого партийного товарища, по фамилии Краулевич, кажется, из латышей, даже спросил:

– Почему ты, Краулевич, за эти разговоры не продал меня в свою ЧК?

– Такой элемент, как ты, Петр, для государства не опасен, – добродушно отвечал т. Краулевич, усмехаясь глазами сквозь пенсне.

– Какие опасен! – даже рассердился Петр Степанович – за кого ты меня считаешь? Что я, ребенок?

– Не ребенок, но политический ублюдок, – смеясь возразил Краулевич, и дальше продолжал, хлопая Петра Степановича по плечу: – да ты не сердься, ей-богу! Ты интересен, и я тебя люблю, но только не за политику. Ты очень интересный собеседник. Когда это, знаешь, сидишь в комнате вечером и, знаешь ли ты, разговариваешь о материализме, об атомах... Если хочешь, так я бы с удовольствием с тобою встречался, только не на службе, чтобы в беседе с тобою восстанавливать в памяти химию, физику, космографию... Ну, не сердься, голубчик, не сердься...

– А ты знаешь, что я эсер? – вдруг спросил Петр Степанович Краулевича, желая последнего озадачить.

– Врешь, папаша. Я тебе не поверил, и никто тебе не поверит, ибо ты разбираешься в политике, как свинья в апельсине, – смеясь, отвечал Краулевич.

– А я тебе скажу, – горячился Петр Степанович, – что из вашей советской власти ни черта не выйдет, потому что к вам присосалось много разной сволочи! Ваша ЧК вся из бандитов, председатель уисполкома – выскочка, заведующий земельным отделением – дурак!

– Ха-ха-ха... – заливался Краулевич. – По злобе, папаша, говоришь, по злобе... Ну, брось, а то кто-нибудь подслушает, то хохотать будет над твоими аргументами.

Так Петр Степанович говорил только с Краулевичем, а со случайными партийными говорил осторожно и всегда в приятную для коммунистов сторону при этом обязательно рассказывал, что и он сидел при белых в тюрьме за коммунизм. С некоторыми же партийцами Петр Степанович вел разговоры так, что с частью коммунистических положений соглашался, а с частью нет, поэтому у партийцев должно было составиться мнение, что, мол,

парень, в сущности, полностью сочувствует, но только имеет на плечах голову и относится к явлениям критически.

Совершенно иным был разговор у Петра Степановича со старым приятелем Жгутиком. Тут уже о чем только они ни говорили! Критиковали, ругали, возмущались, злились, подсмеивались... Попадало бедным коммунистам в разговорах Петра Степановича со Жгутиком Иваном Григорьевичем. Но Иван Григорьевич критиковал коммунистов сознательно, ибо он в немецкую войну дослужился до капитана, состоял, чуть ли не в чине полковника, в одной из военных частей Симона Петлюры. Что же касается Петра Степановича, то он критиковал больше по привычке критиковать, а может быть потому, что он сжился со старым бытом, привык видеть в городе солидного исправника, артиллерийских офицеров, чиновника с двумя кокардами на фуражке и с петлицами на сюртуках. Петру Степановичу были дороги формы в гимназиях, реальных школах, нравились чинно стоящие городские возле почты и булочной, ласкал взгляд автомобиль председателя земской управы, бешено пронесившийся по харьковской улице с деловым председателем, и чем-то приятным остались в памяти парады возле собора в табельные дни, когда командир батареи и воинский начальник под звуки духового оркестра произносили речи.

А как приятны были все ночные балы в женской гимназии, когда в зале с левой стороны стояли гимназистки, а справа – реалисты! Входит начальник гимназии и все гимназистки, в белых передничках, с чистенькими бантиками в волосах, как одна сделают книксен... Бог ты мой, что это была за картина! Как будто ветром подули, и гимназистки заколебались, шевельнулись и замерли. Реалисты косят, во время всеобщей, глаза в сторону гимназисток, и у каждого реалистика, начиная с третьего класса, есть своя, за кем он ухаживает, с кем он сегодня будет вечером, после всеобщей шагать по тротуарам в паре! Ах, как это прекрасно! А приятный разговор о разных разностях: об атомах, о бытии, о душе... Петр Степанович привык к кинематографу «Чары», привык к народному дому, где любители устраивали «малороссийские спектакли», а антракты такие длинные и приятные, что, сидя в парке с Соней Балаконовой или с Тамарой Тулгузиной, вдоволь наговоришься о Базарове, о нигилизме, о Лизе Калитиной; можно рассказать пару стихов из «Евгения Онегина», упомянуть о прекрасных римлянах из «Камо грядеши», да мало ли было приятных разговоров!

Петр Степанович, собственно, против революции ничего не имел бы, но чтобы эта революция не нарушила того, к чему так привык Петр Степанович. Ну, провели бы там реформу какую-нибудь среди селянства, среди рабочих, но зачем же ломать эти прекрасные формы, уничтожать кокарды, погоны? Теперь, например, противно зайти в народный дом! В первых рядах сидят в шапках, одеты в черкасиновые пиджаки, с вульгарными мужицкими физиономиями, а среди них Маруська в красных брюках из ЧК! Бр... какая мерзость! Толи дело раньше: в первом ряду сидят нотариус с женой, исправник и два сына кадета, мать и дочь купца Топоркова с большими веерами, помощник исправника и многие другие приличные люди. В седьмом и восьмом рядах размещаются учителя, реалисты и гимназистки побогаче, а дальше и на галерке, между нами говоря, всякая шантрапа, позволяющая себе громко цмокать, когда целуются на сцене, и громко вызывать на *bis*, даже когда этого не надо.

Возможно, что Петр Степанович более снисходительно отнесся бы к коммунистам, если бы своевременно познакомился не только с Базаровым и Лизой Калитиной, но с той грязной ролью Третьего отделения, какую оно сыграло в свое время, со страданиями политзаключенных, с распутинщиной и вообще со всей той гадостью, что прикрывалась красивыми золотыми погонами, белыми гимназическими фартуками и всем тем, чем только прикрывалась гадость старого режима. Но он почему-то с этим не познакомился. Петр Степанович читал и такие книги, как «Записки из мертвого дома» Достоевского, но, если хотите, Петру Степановичу жизнь каторжников показалась чем-то романтическим, и самому хотелось посидеть, но посидеть не с катастрофическими последствиями, а как-то так... Ну, в общем,

особенного в каторжной жизни Петр Степанович не нашел, кроме поэтического, романтического и немножко лирического. Читал Петр Степанович «Рассказ о семи повешенных», он тоже на него произвел хотя и сильное впечатление, но с другой стороны. Петр Степанович в этом рассказе больше интересовался не тем, за что их вешали, а как их вешали и что они перед этим делали. Петр Степанович был весь пропитан психологией каждого из преступников, восхищен гимнастикой по Мюллеру перед самой смертью и очень сочувствовал папаше и мамаше, считая их поступок – посещение сына, – легкомысленным. Читал еще Петр Степанович Глеба Успенского, но описание этих крестьян... Вообще Глеб Успенский писатель скучный! То ли дело – возьмешь, например, Толстого, раскроешь книжку и читаешь: «Князю Нехлюдову было девятнадцать лет, когда он из третьего курса университета...». Тут, по крайней мере, имеешь дело с князем, со студентом, а Петр Степанович сам собирался быть студентом. Тут что-то родное, интересное, – а то Глеб Успенский! Попадались под руку Писарев, Белинский и Добролюбов, и читал Петр Степанович их критические статьи, но что же: начнешь читать критику на что-нибудь, а самого этого что-нибудь не читал; одолеет Петр Степанович половину статьи, а дальше спать хочется. Да, собственно, если и читал Петр Степанович критиков, то больше, чтобы козырнуть перед товарищами, щегольнуть где-нибудь вроде:

– Сам Писарев по этому вопросу сказал...

На самом же деле, важно не то, что сказал Писарев, а что Петр Степанович произносит эти слова, показывает, что он читает Писарева, а ребята и молчат, думая про себя: «А черт его знает, – может так Писарев и сказал!»

Может быть, вы спросите: неужели Петр Степанович ничему не научился в институте? Но ведь вы помните, что Петр Степанович после окончания средней школы главным образом подымал вверх руки и совершенно не успел разглядеть и облюбовать какую-нибудь из властей. В высшей школе Петру Степановичу некогда было читать посторонние книги, а «Общее земледелие» и «Зоотехния» могли скорее подтолкнуть мысли Петра Степановича снова в сторону атомов, нежели к вопросам социологии. Если же и пришлось встретиться с «Политической экономией» Туган-Барановского, то она была прочитана только для получения зачета, а отнюдь не для других каких-нибудь целей. Но все-таки Петр Степанович не считал, что он ничего не понимает в политике, и очень любил поговорить на разные темы.

Иван Григорьевич Жгутик и Краулевич поселились в одной квартире, и скоро их квартира сделалась местом сборища местной агрономии. Краулевич, как мы сказали, не был тем ретивым коммунистом, что может придирается к каждому слову беспартийного, а потому сходящиеся на посиделки агрономы в его присутствии чувствовали себя довольно свободно. Если уж они особенно расхаживались разуделявать коммунистические порядки, то Краулевич или был себе на уме и в разговор не вмешивался, или, шутя, говаривал:

– Вот где бы вас, товарищи, накрыть нашему политбюро, – сразу контрреволюции меньше осталось бы!

А нам так кажется, что т. Краулевич только получал пользу, не мешая откровенным разговорам, по крайней мере, он был в курсе настроений ценного отряда уездных кадров.

Что же были здесь за разговоры? Какую цель агрономы преследовали, разговаривая на политические темы? По нашему мнению, – хотя и не совсем корректно со стороны автора высказывать свои мнения, – по нашему мнению, агрономы просто болтали, извините за вульгарность, не преследуя своей болтовней определенной цели.

– Как живешь, Ивантий? – обращался к Ивану Григорьевичу Петр Степанович, поздравившись и закуривая папироску безакцизного табаку.

– Живу вот... Разве можно жить при этих чертях! – отвечает Иван Григорьевич, показывая на Краулевича, спокойно читающего «Правду».

– Что, уже? – смеясь, спрашивает Краулевич и снова углубляется в «Правду».

С этого и начинается. Иван Григорьевич начинает доказывать, что если сейчас сельскохозяйственная кооперация и налаживается, то только благодаря таким хорошим беспартийным товарищам, как Шкодько, и хорошему подбору агроперсонала.

– Но я чувствую, – говорил Иван Григорьевич, – чувствую, что коммунисты в кооперации за октябрь: разгонят беспартийцев, сядут сами на готовенькое и начнут портачить. Поделят весь райсельхозсоюз на кабинеты, понаписывают плакаты «без доклада не входить», пораздают машины в кредит бедноте, а когда беднота откажется кредиты погашать, – закроют не только союз, но и товарищество.

– Бедноте только и давать в кредит! – восклицает Краулевич, держа наготове газету, чтобы дальше читать.

– Так разве это кредиты? Кредиты это – я тебя спрашиваю? – горячится Иван Григорьевич, размахивая кулаками перед самым носом Краулевича. – Это милостыня! Взятка, чтобы они стояли за коммунистов! Подкуп и незаконное распоряжение коммунистами не принадлежащими им средствами! Почему вы называете это кредитами, позвольте вас спросить? Мы, порядочные люди, привыкли называть кредитами то, что поворачивается обратно к сроку!

– И поворотят, – спокойно заявляет Краулевич, читая газету.

– Ты смеешься или дурака корчишь? – возмущается Иван Григорьевич. – Пойми ты, что он, незаможник, берет кредит на коня, а купит бутылку самогону, самогон и пиджак! Но если купит пиджак, он хоть, стерва, мерзнуть не будет, а то пропьет! Пропьет, вы потом кинетесь ссуды возвращать, а оно... кукиш с маслом! А незаможник еще подшутит над вами: «А еще там разжиться нельзя? Больно уж хорошо я тогда пьянствовал!» Вот вам кредиты! Вы, конечно, с просьбой в банк об отсрочке, надеясь, что за это время ваши незаможники наберутся где-то там рыцарских качеств, сядут на коня и привезут вам дориносилш чинми!! Держи карман!

– Что большевики развалят кооперацию, то это как пить дать, – добавляет от себя авторитетно Петр Степанович. – Правда, есть и среди коммунистов люди порядочные, но нам же их не дадут, а пришлют оттого Петрова, что в комхозе, спеца на все руки; он возьмется за всякую работу – даже тиф возьмется лечить. Но толку много ли?

– Да откуда у нас, на Украине, набралась эта Коммуна? – возмущается Иван Григорьевич. – Понаезжали эти лапотники, всякая сволота, чертовы политики да политиканки, и будут наводить здесь порядки! Ты, например, – обращается Иван Григорьевич к Краулевичу, – латыш! Какого же черта приехал сюда коммунию эту наставлять! Небось, у себя там коммуны не устраиваете, а остались и бароны, и министров понаставили, и белогвардейцев передерживаете, и земли не делите! Что бы ты сказал, если бы я поехал туда, к вам, да и начал там коммунию разводить?

– Пожалуйста, – согласился Краулевич: – хоть сейчас! Одним словом, все было тихо, мирно, а оказалось, что Иван Григорьевич был не такой уж дурак.

¹ Прославляемые ангелами.

VI

Петр Степанович сразу и не разобрал, что это за лозунг такой новый: «Коммунисты в кооперацию и на все командные высоты»! А если бы и разобрал, так что?

Сидели себе люди благополучно на своих местах, подписывали бумаги, накладывали резолюции, имели дела с различными учреждениями, кредитовали периферию машинами, семенами, контраковали свеклу, торговали на складе, мололи на мельнице зерно, жили себе благополучно – и вдруг перевыборы! Да какие перевыборы! Оказывается, есть командные высоты по назначению, и есть командные высоты по выборам. В райсельхозсоюзе командные высоты выборные. А потому выбранного председателя райсоюза арестовали, – это раз. Шкодька арестовали, – это два. Все уездные партийцы поразъезжались на периферию, по товариществам, и начали готовить почву, чтобы командные высоты в райсельхозсоюзе перешли бы по выборам к коммунистам. И пошла писать губерния. Товарищества на местах перестроились на незаможницкий лад, потом велели им эмиссары выбрать своих уполномоченных для съезда в райсельхозсоюзе по перевыборам правления.

Приезжают. Съехались. Собрались в зале. Пришел председатель уездного исполкома, секретарь парткома, партийный член правления райсельхозсоюза от старых еще выборов, приехал партийный от «Сільського Господаря», сели за президиумский стол. К сожалению, говорят, старый председатель правления арестован, и он отчетного доклада сделать не может. Но это чепуха – за него сделает доклад оставшийся член правления.

После доклада предлагают список кандидатов в правление: 4 партийца и один непартийный. Председатель говорит:

– А ну... кто против этих кандидатов? Поднимите руки!

Почему-то никто против руки не поднимает, так что командные высоты бескровно переходят к коммунистам.

Как только служащим стало известно, а они присутствовали на выборах, что в правление выбрали Шатунова, отого Петрова из комхоза, о котором мы уже знаем, слышали от Петра Степановича, Калмыкова, Гордиенко и Трофима Захарьевича, как беспартийного из старых членов правления, то все ахнули! Зашушукались, зашевелились... Иван Григорьевич так саданул под бок здесь присутствующего Краулевича, что тот даже ойкнул.

– Неужели у вас в партии только это барахло и есть, что вы вперли к нам в райсельхозсоюз! – воскликнул Иван Григорьевич.

Краулевич сознался, что, действительно, состав правления попался слабоватый. Ну, что же: делать нечего. На следующий день все служащие пришли в полном составе и расселись по своим местам, ожидая, что будет дальше.

С опозданием походились и все новые члены правления, – раньше всех пришел беспартийный Трофим Захарьевич, – засели в отдельной комнате и почти до шабашу совещались. К концу занятий т. Шатунов, – как выяснилось, он будет председателем, – собрал всех служащих в бухгалтерию и произнес такую речь:

– Товарищи, от имени правления прошу вас исполнять работу также добросовестно, как и до сего времени вы ее исполняли. Не бойтесь: перемен в служебном персонале мы не будем производить, а в доказательство и для спайки, по случаю годовщины нашего союза, через месяц, устроим вечеринку с буфетом, где познакомимся как следует, ибо люди узнают друг друга только в семейной обстановке, и вы увидите, что со стороны правления будут только хорошие к вам отношения, чего мы просим и от вас.

Служащие похлопали в ладоши, особенно «неответственные», и тяжелая атмосфера рассеялась. До чего люди непостоянны в нынешние времена! Нашлись такие, что даже сообщали сначала неуверенно, а потом стали говорить уверенно, громогласно, что новое прав-

ление даже лучше. Кассир, Петр Петрович, оглядывая через очки нового председателя, произнес как-то нейтрально:

– Наше дело маленькое: принимаешь деньги и выдаешь.

В общем, разбился народ на фракции, как в китайском Гоминьдане.

Слава богу, хоть с арестованными все хорошо окончилось. К удивлению всех служащих, арестованных членов правления не били, а сейчас же после перевыборов отправили в Харьков. Через три дня было уже известно, что т.Шкодько дали в одном из банков солидную должность, а бывшего председателя тоже устроили прилично – замом в одном из центральных учреждений Харькова.

Так что жизнь пошла своим чередом.

Как и предсказывал Иван Григорьевич, члены правления сели по кабинетам, по крайней мере, три, а тех двух, маловажных, Трофима Захарьевича и сбоку припеку т.Гордиенка, посадили в общих комнатах: Трофима Захарьевича посадили в Торговом отделе, а т. Гордиенка – во вновь организованном отделе колхозов. Трофим Захарьевич и т.Гордиенко сделали вид, что они этого не заметили, и покорно сели в общих комнатах. Но все это еще ничего... А вот председателю правления отдали стол Ивана Григорьевича, и рано утром, когда Ивана Григорьевича еще не было на службе, стол перенесли в кабинет председателя, захватив еще и барометр. Иван Григорьевич приходит...

– Почему мне перенесли стол? – спрашивает в недоумении у служащих.

Мы вообще избегаем описывать острые моменты, боясь неверной передачи их, но скажем, что Иван Григорьевич в ту же минуту подал заявление об уходе со службы. Председатель долго доказывал Ивану Григорьевичу, что все это мелочь, что нельзя же из-за какого там стола и барометра ставить вопрос об уходе! Но Иван Григорьевич – человек принципиальный и поставил ультимативно: стол и барометр – или увольнение. Пришлось председателю перенести стол и барометр назад в агроотдел, а себе возратить прежний. Значит, Иван Григорьевич настоял на своем.

Председатель правления не исполнил своего обещания, что перемен в служебном персонале не будут производить, ибо на четвертый день пришел к Анастасии Васильевне какой-то незнакомый молодой человек и предложил от имени правления передать ему секретарство. Анастасия Петровна сильно вспылила, даже пенсне сняла с носа, и побежала в кабинет Шатунова. Что они там говорили, о чем беседовали, – неизвестно. Однако пока Анастасия Васильевна осталась, и в райсельхозсоюзе получилось два секретаря: Анастасия Васильевна и новый незнакомый человек. Потом выяснилось, что после юбилейного вечера Анастасия Васильевна будет состоять личным секретарем правления, будет писать протоколы на заседаниях и ведать секретной частью, какая должна была завестись в райсельхозсоюзе. Еще через несколько времени слетел помощник бухгалтера, а на его место посадили нового. Поступило на должность еще три человека в отдел колхозов, и начали уплотнять агроотдел, так что со стороны Ивана Григорьевича поступило еще одно заявление об уходе, и пришлось правлению выселить в подвальный этаж сторожиху из ее комнаты, а туда вселили отдел колхозов.

Новые порядки служащим страшно не понравились, ведь никто так критически не подходит к своему правлению, как служащие. Например, не понравилось служащим, что т. Петров, взял на складе полушубок, валянцы и галоши, но взял так, что и в жалованье не выписывал, и расписок не давал заведующему складом. У т. Гордиенка была собственная кобыла, оставшаяся еще от фронта, и так как у т. Гордиенка было много воспоминаний, связанных с кобылой, то он ее тоже ввел в союз как члена райсельхозовской семьи: кобылу поставили на какой-то особенной диете в хозяйстве Петра Степановича. Надоела же эта кобыла Петру Степановичу! Т. Гордиенко ежедневно по телефону справлялся о ее здоровье и просил ее никуда не запрягать, чтобы не испортить, но просил гонять на корде. Товарищ Шатунов про-

явил тоже свои странности: кассир, Петр Петрович, перестал разбираться, где начинается касса, а где собственный бумажник т. Шатунова. Бывало, принесет т. Шатунов откуда-то, скажем, столько-то миллионов, бросит на стол к Петру Петровичу, а сам уйдет, не сказав ни слова. Или еще кричит из кабинета Петру Петровичу, чтобы тот выдал столько-то тысяч сторожихе, и пусть она принесет папирос. То придет прислуга Шатунова с запиской от жены Шатунова, чтобы Петр Петрович выдал денег на базар.

– Что же оно будет дальше? – спросил Петр Петрович бухгалтера, снимая в волнении очки после выдачи очередных денег на папиросы для председателя.

– А вы без расписок не выдавайте, – посоветовал бухгалтер.

– Тогда выгонит со службы, – резонно ответил Петр Петрович.

– Не выгонит, а так в тюрьму посадят, – предупредил бухгалтер.

– Вы поговорите с Шатуновым сами по этому вопросу и скажите о расписочках! – попросил Петр Петрович бухгалтера.

Дальше нам неизвестно, как был упорядочен этот вопрос, но Петр Петрович попал в тюрьму только через шесть месяцев.

Не понравился служащим и тот факт, что на склад стали поступать такие машины и материалы, какие не покупались никем. Например: пришло двадцать нефтяных двигателей, из коих был один куплен каким-то кулаком за наличный расчет, а остальные девятнадцать погрузили через три месяца и отправили обратно в Харьков. Пришли особенные тормоза к повозкам, и тоже их никто не покупал; привезли партию бричечных втулок, но пришли номера только большие и маленькие и тоже лежали без движения. Привезли партию шведских топоров, которые пошли в ход, а потом начали сдавать обратно: оказались железными. Была где-то закуплена партия клещей к хомутам такого большого размера, что могут пригодиться только крупному тяжеловесу или слону в пору.

Не понравилось служащим, что склад сельскохозяйственных машин и орудий, а также сельхозматериалов постепенно превратился в мануфактурный и галантерейный магазин. В насмешку или черт его знает для чего кто-то отбил замок от магазина, выкрал мануфактуру. Запечатали магазин, вызвали собаку, – собака прыгнула на беспартийного члена правления Трофима Захарьевича. Трофима Захарьевича посадили в тюрьму, а через два дня открыли магазин, выпустили Трофима Захарьевича и снова стали торговать, как ни в чем не бывало.

Передавал Петр Степанович еще такие сведения о правлении. Что будто бы при старом правлении крестьянина принимали чуть ли не с распростертыми объятиями, если в союзе крестьянин появлялся по делу. Его терпеливо выслушивали, давали советы, инструктировали, и крестьянин довольный уходил. Теперь же так: заходит крестьянин в союз и спрашивает бухгалтера, как ближесидящего:

– Можно ли зайти к председателю?

– Попробуйте, – многозначительно предлагает бухгалтер, затаив на лице что-то нехорошее.

Крестьянин осторожно подходит к двери и читает: «Без стуку не заходить».

– А постучать можно? – снова крестьянин обращается к бухгалтеру.

– Я же вам сказал, попробуйте! – раздраженно говорит бухгалтер, не прерывая перебрасывать косточки на счетах.

Крестьянин стучит: ответа нет; крестьянин снова стучит: ответа нет. Наконец, он решается войти, но, не успев переступить порога, как сумасшедший, возвращается обратно.

– Ну что? – ядовито спрашивает бухгалтер.

– Говорить, що «куди пресся, здесь занято!» – отвечает в смущении крестьянин, чувствуя себя в дураках.

Бухгалтер смеется, а за ним вся бухгалтерия.

– А вы знаете, что там, в кабинете, делает в это время Шатунов? – спрашивал своих приятелей Петр Степанович, когда передавал им об этом.

– Нет.

– Так он сидит там с военкомом, – выдумывал Петр Степанович, – или еще с кем-нибудь из красных фуражек, и они ведут приблизительно такой разговор:

– Где это ты достал себе такой револьвер? – так должен спрашивать т. Шатунов военкома.

– Да так... достал, – вяло отвечает военком.

– А ну покажи, какой номер! – просит военкома Шатунов таким тоном, как будто бы от этого зависит благополучие страны.

Потом, будто бы, разговор переходит на погоду, на то, что делов много, поговорят о том, что галстуки теперь начали вязаные носить или что Анастасия Васильевна – бабенка недурственная. А крестьянин в это время стоит, ждет, пока поговорят о делах государственной важности.

Получивши в союзе какую-нибудь сенсацию, Петр Степанович моментально мчится в земуправление к Краулевичу и начинает:

– Да неужели вам, партийным, повылазило, что такие дураки правят райсельхозсоюзом?

– Чего ты все так близко к сердцу принимаешь, Петр Степанович! – восклицает т. Краулевич.

– Ну, как же: девятнадцать двигателей отправили обратно! Могут аэропланов выписать на склад! Слона купят! Выпишут броненосец, как ходкий товар в сельхозкооперации! – возмущается Петр Степанович.

– А ты еще считаешься философом, Петя! Не может же наша партия сразу вдруг все наладить. Ты посмотри: много ведь сору отскакивает от партии. Ты нашего кучера Кузьму знаешь?

– Ну, знаю.

– Так он был раньше, знаешь, какой шишкой? Комендантом нашего города! Бывало, как запряжет пару лошадей в ковровые сани, как пронесется! Шапка заломом, красные брюки, мундир в шнурках... Он ведь не грамотен! Пришло время, и он стал на свое место: теперь возит нашего заведующего. Так-то, брат, Петя: придет время и эти Шатуновы, Гордиенки тоже пойдут насмарку. А теперь лучшие, заметь, на более ответственных постах.

– Но почему вы не наставляете простых, но рассудительных рабочих? Где вы повыдирали этих жуликов с Благбаза? Ну что это у Гордиенко за стаж? Где-то босяковал, потом попал в Красную армию, разбой ему, видишь, нравится, – а теперь вы его ставите членом правления! Я понимаю еще поставить токаря, что имеет лет пятнадцать стажу, рассудительного, честного, хозяина, хотя бы и малограмотного. А то понаставили демагогов! Олухов царя небесного!

– Ну, что же, – разводил руками Краулевич, – если зарвутся сильно, – партия одернет.

– А почему тебя не выбрали? Почему секретаря парткома не выбрали? Ведь секретарь очень деловой человек!

– Да вот собрались в парткоме, – ведь иначе это не делается, – судили, рядили, на все концы прикидывали и пока лучших не нашли. Как там вечер скоро? – спросил Краулевич.

– Через три дня. Будешь?

– Собираюсь.

– Ну, пока.

– Пока.

VII

Весь женский персонал и, в помощь ему, один счетовод из союзного аппарата, после занятий в этот знаменательный, юбилейный день, принялись за работу. Лишние столы были вынесены в отдел колхозов, часть столов поставили в бухгалтерии, – в самой большой комнате, – с таким расчетом, чтобы могли все разместиться. Из членских кабинетов поделали уютные гостиные. В торговом отделе Анастасия Васильевна решила поставить все закуски, ящики с пивом и в уголку, между нами говоря, запрятала бутылок тридцать отличного самогону! Но над самогоном в воздухе так и носились восклицательные и вопросительные знаки, так и носились... А что если наскочит кто-нибудь из ГПУ? Хорошо, если помогут глазки Анастасии Васильевны, но ведь в ГПУ иногда служат такие мужчины, что ни глазки, ни... ничего не поможет! Без риску ничего не делается. Какой бы там риск ни был, а тридцать бутылочек в торговом отделе было запрятано. Появились ковры, коврики, откуда-то принесли пальму, кажется из флигеля, где жил до сих пор бывший хозяин райсельхозовского дома. В агроотделе устроили гостиную в украинском духе, тем более что здесь занимается Иван Григорьевич, а всем было известна его «щирість» ко всему украинскому: Анастасия Васильевна решила и Ивану Григорьевичу сделать приятное. На лампы, керосиновые лампы, – еще в Задонецке не было электричества, – были надеты колпаки, изящно изготовленные из разной цветной папиросной бумаги.

Потом начали носить из квартиры Анастасии Васильевны закуски... Что там было! Нет, мы не можем умолчать и должны хоть частично перечислить, что там было! Булки: к чаю, в бумажной форме, превосходная, бесподобная, быстро съедобная, на белках, на сливках, заварная, без яиц и масла, которая долго не черствеет, легкая... Ах, довольно! Караул!!! Но нет, – еще несут булки: большую, домашнюю, петербургскую, английскую, польскую, русскую, шоколадную, с шафраном, желтую, или крендель, на миндалях... Нет, довольно! Это же булки, но потом начали носить: сахар с ванилью, сахар с ванилью, приготовленный другим способом, сахар с запахом розового масла, сахар с апельсиновой или лимонной цедрой, сахар с запахом флер д'оранж... Бабки: из разных сухарей, из ржаных сухарей, миндальная мучная, миндальная обыкновенная, миндальная необыкновенная, снежная, шоколадная. Нет, мы отказываемся наотрез дальше перечислять! Скажем только, что был даже принесен примус, если кому-нибудь захочется разжаренного или подогретого.

К восьми начали сходитьсь. Раньше всех пришел беспартийный член правления Трофим Захарьевич, потом некоторые служащие, а еще потом пошли все в ряд – и имеющие отношение к союзу и не имеющие никакого отношения. Кое-кто успел заглянуть в торговый отдел, обратил внимание на скакающие вопросительные и восклицательные и...

Бог ты мой! как бегают, как метушится Анастасия Васильевна! А Катя, а Нина, а Маруся Карасик! Они, как павы, плавно-плавно ходят под руку и восхищаются делами рук своих и Анастасии Васильевны. Пришли еще некоторые девицы, дамы, освежили райсельхозсоюзское общество, томно-томно посматривают на мужчин, как бы приглашая, маня, желая взглядами близко-близко сойтись душами, чтобы поделиться, посочувствовать и получить сочувствие. А мужчины! Гордиенко, например, улыбается и смеется так, как никогда его не видели. Как приятно лежит на нем черненькая сатиновая рубашка под кавказский пояс; брюки галифе, хромовые сапоги со скрипом и на голове чубчик... Ах, какой приятный чубчик! Гордиенко тоже зашел в торговый, взглянул на вопросительные и восклицательные знаки, но не пил. Не только не пил, но он проявил великодушие, какого от Гордиенка никто не ожидал!

– Смотрите, Анастасия Васильевна, чтобы с тем вот не втюпаться!

– Хи-хи-хи... – ответила Анастасия Васильевна, в душе любясь прелестным Гордиенком.

Фу, ты пропасть! Всех затмил нам Гордиенко, так, как говорят на Украине, «забив баки», что из-за него совершенно выпустили из виду остальное мужское общество! Ну, вот вам, – возле двери, в задумчивости, стоит т. Петров: галстука он не носит, считает это предрассудком; он, т. Петров, гордо поглядывает кругом и готов в каждую минуту, в любую секунду говорить с вами на любую тему: о политике, о математике, о паровозостроении, о Пулковской обсерватории, о японском микадо. О чем хотите! Вот только-только мимо него пробежала Анастасия Васильевна и сказала ему, между прочим, что много людей собралось.

– Общество, тас-зать, есть двигатель, значит, нашей общественности, но, значит, которая, не признавая... – начал, было, Петров.

– Да? – спросила Анастасия Васильевна, мило улыбаясь и не слыша, что т. Петров говорит, ибо ей надо было бежать к председателю Шатунову, который только-только вошел в бухгалтерию.

А Шатунов! О-о... Нет, мы отказываемся его описывать! Но если бы вы увидели, как т. Шатунов встретился с Анастасией Васильевной в дверях и как он отступился, давая ей дорогу, то вы бы обомлели! Сколько деликатности! Единственно что немного испортило его движение и жест – это то, что Анастасия Васильевна и не думала проходить мимо т. Шатунова, – она именно направлялась к нему, к т. Шатунову.

– Ась? – наставил ухо т. Шатунов к лицу Анастасии Васильевны. Но нет, – Анастасия Васильевна ему ничего и не говорит, она только приятно улыбается, расставив красиво руки, как расставляют молоденькие утята крылышки, когда им жарко.

Один Иван Григорьевич не имел такого сияющего вида, как все остальные: он запустил бороду, осунулся и даже ленточка в украинском стиле сползла с вышитого воротничка. Видно человек даже в зеркало не посмотрел, когда шел на вечер. Иван Григорьевич злобно поглядывал по сторонам, и Анастасия Васильевна решила к нему не подходить, чтобы не нарваться на дерзость.

Петр Степанович тоже приехал и, видно, заглянул уже в торговый отдел: больно уж шибко он увивается возле Кати, Нины и Маруси Карасик, особенно возле Кати, так и сыпет комплименты, так и сыпет...

Вообще же все общество, как мужчины, так и женщины, в этот вечер собрались такими нарядными, выбритыми, напудренными, надушенными, и все, видать, в отличном настроении. На вечеринке как будто бы люди переродились! Какие все приятные! Ох, как приятен и деликатен Краулевич! Только предупреждаем, мы очень уважаем т. Краулевича, не только как партийца, но и как человека. Нина и Маруся Карасик несколько раз уже бегали вниз, к сторожике, чтобы поправить волосы, подпудриться и прорепетировать выражение глаз. Особенно же Краулевич пленил собой всех девиц и дам, севши за пианино, что из флигеля принесли, – тоже от бывших хозяев. Аккордами Краулевич проверил пианино, потом взял что-то так легко-легко... Потом заиграл что-то грустное-грустное... Ну, тут все умерли! Катя стала задумчиво смотреть на розовый абажур керосиновой лампы, Нина вперила глаза в Краулевича и не сводила их во все время игры, Маруся Карасик метала молнии и злилась, вероятно, что Краулевич на нее меньше всех обращает внимание.

Потом сели за стол. Потом председатель произнес речь об успехах союза; выступал т. Петров, что-то неопределенное проямлил Трофим Захарьевич и некстати расплакался Петр Петрович. В своем углу он горько сквозь слезы жаловался:

– Кто поставил на ноги союз, а кто лавры пожинает!

Также некстати выступил кто-то из беспартийных посторонних: на него зашикали, соседи даже одернули за толстовку, но он выдержал характер и кончил тем, что поднял стакан пива выше головы и произнес здравицу союзу.

Ели, пили пиво, заскакивали в торговый отдел освежиться самогоном. После закусок были танцы. После танцев разошлись по домам; но некоторые попали в ГПУ, где и переночевали, чему виной, возможно, как раз и были те тридцать бутылок самогону, что с самого начала стояли в торговом отделе. А в общем вечер прошел благополучно. Но были, конечно, и недовольные. И прежде всего, Иван Григорьевич, несмотря даже на гостиную в украинском духе.

Где-то уже под конец вечера они вышли с Петром Степановичем на улицу покурить, и он отвел Петра Степановича в сторонку для серьезного разговора. Только он не сразу приступил к этому разговору, а сначала, не удержавшись, излил душу давнему приятелю.

– Ты знаешь, меня так расстроил этот вечер, так возмутил, что я никак не могу успокоиться. Сколько подлости в людях, подлизывания, намеков... Эта мразь, Анастасия Васильевна, готова торговать своим телом направо и налево, чтобы только не выгнали со службы. Как можно так улыбаться, как она улыбается! Глазами, губами, грудью, руками, и даже *pinse-nez* – и то улыбается!

А Гордиенко вырядился! Вчера надавали нам анкеты заполнять, спрашивают в анкете: «женат или холост»? Так Гордиенко пишет: «парубок». На вопрос о специальности, – пишет: «специальность индустриальная», а образование – высшее. Я ему говорю, что табак есть выше среднего, а образования такого нет и, говорю, специальности такой тоже нет. Вот где дурак так дурак! Мы учились, тратили время, переживали, анализировали, и вдруг твоим начальством становится парубок с высшим образованием и с индустриальной специальностью! Хочется уколоть себя иголкой, хочется думать, что это во сне!

– Разве вся жизнь не есть сон? – как-то безразлично и ни к кому не обращаясь, произнес Петр Степанович, недавно побывавший в торговом отделе.

– Н-да... Но то – другое дело!

– Кой черт – другое... Жизнь и есть сон. Разве не сон, когда подумаешь, что эта же луна, что нам светит, светила еще при Навуходносоре и теперь еще светит.

– При чем здесь луна! Какая тут к черту луна! – возмущенно воскликнул Иван Григорьевич. – Я ему про ублюдков, про Шатунова, Петрова и Гордиенко, а он мне о Навуходносоре!

– Но это имеет связь: один и тот же клубок. Тут надо начинать с атомов, чтобы найти объяснение и удовлетворить себя логическими выводами.

– Тут одно объяснение: ты дурной! – сердито сказал Иван Григорьевич таким тоном, каким часто говорят приятелям, допуская фамильярности, за которые не сердятся.

– Может быть, – согласился Петр Степанович покорно, но дело в том, что мы с тобою две натуры разные: ты способен нервничать, волноваться, восхищаться и вообще жить свои шестьдесят или семьдесят лет, понимая все явления относительно, а я считаю всякую относительность функцией каких-то абсолютных, высшего порядка, законов. Выругай при тебе Петлюру – ты на дыбы станешь, а для меня все твои Петлюры, Деникины, Ленины и Керзоны – явления одного порядка. Все их идеи – мелочь, не стоящая внимания в общих мировых законах. Иногда я тоже способен возмущаться или радоваться явлениям этого порядка, но это показывает, что я тоже испорчен средой, и мозги, раздражаясь этими мелочными рефлексам, вызывают, – я бы сказал, идиотские восхищения или возмущения. Спрашивается: зачем это? Какой смысл?

– Ты дегенерат, Петя, ей-богу! – воскликнул Иван Григорьевич, вытаращив глаза на Петра Степановича. – С тобою опасно оставаться наедине. Ей-богу!

Установилось неловкое молчание на минутку, но тут Иван Григорьевич вспомнил о своем серьезном разговоре.

– Я думаю жениться на той неделе, – вдруг заявил он.

– О! – воскликнул Петр Степанович. – Вот тебе и функции мировых законов!

– Да. И думаю жениться по-настоящему, – продолжал Иван Григорьевич. – Венчаться буду, свадьба будет, и ты тоже должен шаферовать.

– На ком же ты женишься? – удивился Петр Степанович.

– Пора уже, – не отвечая на вопрос, продолжал Иван Григорьевич: – Тридцать пятый годочек пошел. Как видишь, бог лица прибавил, – он постучал пальцем по лысине, – сединка пробивается, да и надо подумать о потомстве.

– Зачем тебе потомство?

– Надо, чтобы было трое детей: двое замещают папашу и мамашу, а один – для процентов.

– На ком же ты женишься, – ты еще не сказал? Ведь чтобы жениться – надо в любви объясниться, и на луну повздыхать, и целоваться ведь надо, а тебе же не... ну, не вяжется!

– Женюсь на Зинке Золотниковой, на куркульской дочке, с домиком в Харькове; но сейчас там сидят квартиранты и, вероятно, их не выселишь.

– Расскажи же, – как ты в любви объяснялся, целовался и все такое прочее? – весело шутил Петр Степанович. – Ты в бога не веришь, а венчаться хочешь.

– Я с Зиной начал целоваться еще в институте, где и она училась, если ты помнишь. А венчаться хочу... ну... и родители ее будут спокойны, и... вообще без венчания – не брак, а опорный пункт.

– Предрассудки, мещанство и регресс, – брезгливо произнес Петр Степанович.

– «Предрассудки, мещанство», – передразнил Петра Степановича Иван Григорьевич: – А что же без венчания за брак! Конечно, бог – чепуха, но как же не венчавшись?

– Оригинальная логика! – воскликнул Петр Степанович.

– В общем, – продолжал Иван Григорьевич, – в воскресенье ты должен дать мне пару лошадей, сам приезжай в Карачовку а я приглашу еще кое-кого из своих. Особенно, конечно, там ничего не будет: тесть нагонит самогончику, – я ему два пуда сахару переслал, – разведем ягодным соком, и все будет приличненько.

– Я отказываюсь глубоко залазить по этому вопросу, ибо все это претит мне, но шаферовать буду, – ответил на все предложения Петр Степанович.

VIII

Петр Степанович К. был непростой человек. Хоть вы и давно уже с ним знакомы, а наверно, еще не знаете, что в молодости Петр Степанович обожал театр и потом даже почти написал пьесу из жизни дореволюционных студентов, каковым и он побывал когда-то, хоть и недолго. Там были такие сцены, такие диалоги... Ну например:

«Сцена представляет квартиру студента, мещанского типа. Столы завалены книгами, несколько мягких стульев, диван, два кресла. Герань в горшках, фикусы и другие цветы. За столом сидит Попов в студенческой тужурке и читает.»

Явление 1-е.

Попов (задумываясь). *А больше всех мне нравится из древних философов Эпикур! Поразительная ясность в рассуждениях! Гассенди, Гоббс и всякая такая штука – уже не то. У Эпикура – все: атомы, движение и... и всякая такая штука... (Стук в дверь). Кто там?*

Нет, знаете, тут пока не интересно. Перейдем сразу к явлению 3-му. В той же квартире, но народу побольше, и всё как-то поживее.

Гордеич. *Ну-с, рассаживаемся и пустимся в дальнее плавание.*

Инацкий. *Девочки есть, водка есть, компания отличная. Чего еще!*

Кривцов. *На квартире лучше, чем в трактире (потирая руки, смотрит на стол с бутылками и закусками).*

Савченко. *Ох, где я очутился: кацапня кругом, аж жутко!*

Абрамович. *А я, а я!*

(Все смеются. Ира уходит за самоваром).

Савченко. *Жаль, понимаете, что русское студенчество так относится к украинской нации.*

Кривцов. *Какая там украинская! Малороссия – и крышка!*

Инацкий. *Э... Так нельзя, Кривцов. У тебя эти чувства не развиты, и тебе не следовало бы говорить на политические темы. Политика – дело тонкое, тут надо быть философом, как Попов (К Попову). Только поменьше этих Платонов и Спиноз (смеется, не давая Попову возразить). У тебя же, Кривцов, есть городовые, жандармы, ты обеспечен. Зачем тебе политика?*

Савченко. *Когда это вы начали тыкаться? Еще ведь и не пили!*

Абрамович. *Ну ладно, господа...*

Инацкий. *Только не господа.*

Кривцов. *Коллеги!*

Инацкий. *И не коллеги.*

Абрамович. *Товарищи!*

Гордеич. *Ты, Абрашка, сядь, я сейчас тост произнесу...*

Абрамович. *Я только как правове́д хотел сказать, что не из чего пить, нету ни бокалов, ни чайных стаканов.*

(Все смеются. Надя, спохватившись, уходит за посудой).

Гордеич. *Может, это и глупая привычка произносить тосты, но она мне нравится. Я предлагаю выпить за то, что будет твориться в нашем государстве лет через пятна-*

дцать-двадцать. Будет страшная война, и начнется революция. Наперед предсказываю, что Кривцов тогда удерет за границу, Инацкого повесят еще до революции, Попов будет незаметным человеком в одном из многочисленных городков нашей империи, Савченко будет жить где-нибудь в Сорочинцах, что станет с Абрамовичем, я не знаю, наверно, будет служить в банке, а вы, коллеги (обращается к женщинам), повыходите замуж за разных там людей...

Кривцов. Революции у нас скоро не будет.

Гордеич. Потому что жандармов много?

(Все смеются)

Савченко. Будэ!

Инацкий. Будет, конечно! Обидно только, что меня до этого повесят.

Попов. Будет ваша революция или не будет, а человек как был мыслящим тростником, так и останется, и ничего вы с этим не поделаете.

Надя. А все же страшно, когда читаешь о Французской революции.

Кривцов. Вот! Есть пример уже, и революции делать не будут.

Абрамович. Обязательно будут. Сейчас идет период накопления потенциальной энергии в странах Европы, а потом ей необходимо будет превратиться в кинетическую, что, понятно, выльется в форму войны. Война же обязательно кончится революцией, особенно у нас в России.

Кривцов. Так уж и обязательно! Революция – это...

Гордеич. Ну брось, Кривцов. Поживешь, поживешь еще за границей. Только, брат, побольше золота копи, а то мы будем жить тогда на бумажные деньги...

Там была еще романтическая линия. Надя была влюблена в Инацкого, и очень переживала, что его могут повесить, хотя все шло именно к этому. Но к чему пришло на самом деле, мы не знаем, так как, к сожалению, пьесу окончить не удалось, частое поднимание рук вверх плохо способствовало письменной работе. Кроме того, Петр Степанович зачем-то показал наброски пьесы одному своему приятелю, который здорово разбирался в писательстве и даже иногда печатал в газетах статьи на литературные темы. Петр Степанович рассчитывал на поддержку, а приятель гордился тем, что он человек прямой и говорит, что думает. Вот он, по прямоте своей, и врубил Петру Степановичу: нового, оригинального ничего нет, сцены не интересные, безжизненные, построение их страшно старое, так и отдает Чеховым, Потапенком и пр. Совсем отбил охоту писать, Петр Степанович хотел даже сжечь свою рукопись. Но, в конце концов, не сжег, теперь она пылилась где-то на чердаке материнского дома в Змиеве и, возможно, ждала своего часа.

Да дело, в конце концов, не в пьесе. «Ганц Кюхельгартен» тоже не удался Гоголю, зато потом... Петр Степанович не был обескуражен, он всегда ощущал свою необычность и с молодости еще собирался заткнуть за пояс Пушкина или там Наполеона. Петр Степанович точно не знал, из какой области гения он заткнет за пояс, и это для него было не так важно. Важно было, чтобы гремело его имя. Он даже в музыке не прочь был прогреметь, стать выше Рихарда Вагнера, выше Шаляпина, но это скоро отпало. Как мы знаем, Петр Степанович был однажды зарегистрирован в губнаробразе пианистом и кое-что мог сыграть на балалайке и даже на пианино, но, как мы тоже уже рассказывали, репертуар у него был небольшой, во всяком случае, недостаточный, чтобы прославиться на весь мир. Голосом природа его тоже не наделила. Он любил иногда попеть, и пел, случалось, но как-то без успеха. Уже позднее, когда он женился, стоило ему запеть, как слышался из другой комнаты женин голос: «О, завел уже, чертуля!» Согласитесь, что если жена не признавала его талантов в пении, то что сказала бы публика?

И с Карлом Марксом у него не вышло. Он хотел отодвинуть Карла Маркса в архив, но получилось значительно хуже, чем он ожидал. Мы помним, что он еще в отроческие годы заглядывал в «Капитал», пробовал несколько раз его читать и позднее, но стоило дойти до ренты, как дело дальше не двигалось: стоп машина! Он решил обратиться за мнением по делу ренты и вообще прибавочной стоимости к одному авторитету. Так знаете, что тот ответил? Этот авторитет ему ответил так: «Чтобы понимать учение Карла Маркса, надо иметь хорошее общее образование, а вы, батенька, его не имеете». Дело, конечно, не в образовании, после такого ответа Петру Степановичу просто расхотелось иметь дело с Карлом Марксом.

Но все равно, оставалось еще много перспектив: натурфилософия, литература вообще, потом появился парашютизм и еще некоторые другие. В агрономы он как-то случайно попал. Даже друзья его за это критиковали. Помнится, когда они с Иваном Григорьевичем после окончания института собирались ехать к месту работы, состоялся между ними такой разговор.

– Собственно, наш институт не высшее учебное заведение, – так высказывал свою точку зрения Иван Григорьевич. – В сельскохозяйственный институт поступают все, кому лень учиться в технических, политехнических, путей сообщения и т. д. Да у нас, собственно, и науки нет ни одной, чтобы она похожа была на науку! Исключительно беллетристика! Зоология – наука, которую я с удовольствием читал перед сном и приготовил ее для экзамена за неделю. Общее или частное земледелие – тоже беллетристика. На науку похожи обе химии и к ним практические занятия; ну, еще можно добавить геологию, если ее серьезно учить, а все остальное – легкий роман Вербицкой. И специальность наша сомнительная. Агрономия – все равно, что политика! Если врач лечит или инженер строит, то тут все вытаращат глаза и смотрят, ни черта в этом не понимая, а в сельском хозяйстве всякий считает себя спецом, даже врач и любой городской еврей.

– Мне кажется, что ты, Ванюша, сгущаешь краски, – возразил Петр Степанович.

– Да нет же, не сгущаю! Агроном это что-то несолидное! Ты будешь служить на участке, где не платят жалованья, и определенной работы там нету. Будешь заниматься политическими вопросами и заполнять анкеты про то, сколько на десятину в вашем районе приходится мышей, куриц на одного петуха и какая самая распространенная порода кроликов в вашем районе. Начальством твоим в районе будет зав. волостным земельным управлением, парняга полуграмотный, который старается одеться лучше твоего, поскольку он начальство. Если же ты такому парню не понравишься, то он начнет тебя обвинять в контрреволюции, в саботаже, в религиозных предрассудках и даже пришьет уголовное дело! Будь покоен! Я как-то ехал на автомобиле в Донбассе с таким вот завволзу, так он мне говорил, скаля зубы: «Я с агрономами, тра-та-та-та их мамаше, я с ними не церемонюсь! Я их меняю в нашей Караковской волости, как перчатки! Как что, так их – к чертовой матери!» Ну, какого мы хрена полезли в сельскохозяйственный институт? Я еще понимаю, – я, но ты, – окончивший реальное? Ведь я знаю, что ты даже поступил в политехникум, а потом почему-то перешел в сельскохозяйственный! Большую ты, Петроний, глупость сделал, окончив на агронома! Времени же на беллетристику пошло столько же, сколько потратил бы на настоящие науки.

Петр Степанович и сам не знал, почему пошел учиться на агронома, но все равно, другие перспективы тоже еще оставались. По натурфилософии он один раз даже начал писать сочинение, то есть не то чтобы начал писать, а обозначил заглавие «Мои точки зрения о мировом абсолютизме». Но в этот момент пришли знакомые, принесли карты и предложили играть в «фильку», и он оставил свое сочинение до более подходящего случая. С одной стороны, он даже был доволен, что пришли соседи и помешали писать сочинение, а с другой стороны, и недоволен, так как таки мог написать что-нибудь порядочное. Но все равно, если человечество тогда было лишено возможности знать точки зрения Петра Степановича о

мировом абсолютизме, то в этом повинны исключительно соседи Петра Степановича, которым, как назло, в этот момент приспичило играть в «фильку».

А потом Петр Степанович увлекся культурно-семенным хозяйством и на время перестал думать о своем всемирном призвании, тем более, он чувствовал, что его и так очень уважали в райсельхозсоюзе.

Но после того как в этом райсельхозсоюзе случился коммунистический переворот, он почувствовал, что уважать его стали как-то меньше.

У Петра Степановича установились с новым правлением странные взаимоотношения. Петр Степанович еще чаще стал приезжать в райсельхозсоюз и, несмотря на надпись на дверях кабинета т. Шатунова: «Без стука не входить», заходил смело, смело здоровался за руку и также смело разговаривал в таком духе:

– Что это ты, Шатунов, еще за номер выкинул?

– А что?

– Зачем ты прислал эту кобылу Гордиенка? Что там, в хозяйстве, – курорт?

– Это тебя не касается: это правленческое дело.

– Ну да, но я ведь заведующий, я же ведь должен критически относиться к явлениям!

Дай папиросу!

– А ты ее, черта, запрягай. Закуривай.

– Но ведь Гордиенко приходит в хозяйство, придирается, что мы ее вовремя не поим, вовремя не кормим, вовремя не чистим. Велел, чтобы я для нее часы купил. А если она, не дай бог, издохнет! Гордиенко же меня застрелит!

Это разговор по делу, а без дела Петр Степанович тоже заходил, и тогда беседа проходила в таком духе:

– Ну, как дела? – спрашивал Петр Степанович, закуривая папироску.

– Ничего.

– Ты мне выхлопчи револьвер, а то опасно ездить ночью.

– Не дадут.

– Ну, брось! ты же носишь!

– Партийному можно.

– Я думаю, что люди родились на свет все с одинаковыми правами, – без рубашки родились.

– Н-нда... Бросим об этом. Ты, знаешь, Петр Степанович, я тоже хочу поступать в ваш институт.

– Не примут.

– Почему?

– Малограмотный. На рабфак – могут.

– Ну, брось, брат, – малограмотный... Я когда то учился в низшей сельскохозяйственной школе! Вот даже значок есть.

– Надо среднее кончить. Не примут.

– Давай меняться значками! А?

– Не хочу. Мой значок еще с Новой Александрии, и таких не делают.

– Давай поменяемся... Давай?

– Не-е... не хочу. Так револьвер выхлопочешь?

– Не дадут.

– Ну, тогда пока.

– Пока.

От Шатунова Петр Степанович проходил в отдел колхозов, к Гордиенко.

– Ну, як моя кобыла? – спрашивает бойко Гордиенко. Петр Степанович насмешливо рапортует:

– С кобылой вашей все благополучно: температура 37 и восемь десятых, пульс 39, число дыханий в минуту девять, самочувствие – отличное и передавала вам привет. Просила передать коробку пудры и мармеладу.

– Прошу вас, товарищ, без шуточек! – сердится т. Гордиенко.

– Да что с вашей кобылой может сделаться, чтобы она издохла! – со злостью говорит Петр Степанович.

– Товарищу! С кем же вы так разговариваете? Прошу до порядку!

Так кто же после этого будет уважать Петра Степановича? И Петр Степанович снова стал подумывать о своем всемирном призвании, от которого он временно отвлекся для работы в райсельхозсоюзе.

Не то, чтобы он постоянно об этом думал, но после праздничного вечера, посещения торгового отдела, а особенно после разговора с Иваном Григорьевичем, именно такие мысли пришли ему в голову.

– Что из себя представляет советская власть? – так думал Петр Степанович, уезжая с кооперативного бала на хутор. – Понасадили на ответственные посты всякой шушвали и говорят: «Вла-асть!»... – В этом месте Петр Степанович громко передразнил кого-то. – Возьмем наш уезд: на весь уезд только и человека – секретарь упаркома, т. Глагольев. Он хотя и рабочий, но начитанный, разбирается в явлениях, человек положительный и дипломатичный. Если же взять остальных, конечно, Краулевич не считается, то неужели им не совестно ходить по тротуарам? А как они носят портфели! Нет, вы посмотрите! Идет, сукин сын, в глазах глупость светится, комиссарская фальшь, а гонору хоть отбавляй! Ведь ни один из этой шантрапы не верит в коммунизм, а на собраниях и заседаниях подлаживается под идеи, ведет дипломатию... Коммунисты, а гонор генеральский...

Петру Степановичу не хотелось на хутор: так приятно сидеть в санях... Чтобы растянуть время, он натянул вожжи и пустил жеребца шагом.

Город оставался позади, а вдаль виднелся в лунном освещении хутор, пирамидальные тополи; по-над дорогой гудели телефонные столбы, немножко постукивала серьга оглобли, иногда фыркал жеребец, и слабо доносилось пыхтение паровой мельницы из города. Иногда на луну набегала тучка, чего Петр Степанович не видел, но догадывался по теням, пробежавшим по белой снежной пелене.

– Странно, – думал Петр Степанович, будучи в состоянии приятной истомы, – очень странно! Луна, снег, столбы, лошадь и я... Как ясно все это осознается! Неужели же придет время, когда не будет этих чувствований, пониманий, переживаний? Жизнь идет, как часовая стрелка: медленно, но верно... Долго поезда ожидать, сидя на полустанке, но поезд все же подходит, и надо садиться. Куда эти люди спешат, метушатся? Чего им надо? Ведь исход один.

Жутко стало нашему герою, но мысли назойливо лезли в голову.

– Ну, что из того, что Ленин – герой! Это нужно только при жизни, только для удовлетворения нашего изменного чувства – честолюбия. Идеи! Фи, чепуха... идеи. Что значит идеи? Зачем эти идеи, если часовая стрелка сотрет их на своем пути, как пылинку? Вот вам: случится что-нибудь с небесным механизмом и ползет в градусниках ртуть ниже нуля, еще ниже, еще... ахнет мороз минус сто двадцать градусов – вот вам и идеи! По календарю 1 мая, а оно -120°, по календарю надо сено убирать, а оно -120°, по календарю надо хлеб возить на продажу, а оно – глетчеры, лед, ветры дуют, и нет ничего: ни идей, ни людей, ни продналога, ни честолюбия... Вот вам и социализм! Люди – что муравейник, бегают, суетятся, носят большие тяжести, трудятся, – придет озорной мальчишка, палкой ковырнет, воды нальет, кинет червя-лакомку, еще раз палкой ковырнет... Муравьи считают это явление, вероятно, метеорологией, а мальчишка смеется.

Взлетел Петр Степанович мысленно на одну из звезд Большой Медведицы и в микроскоп рассматривал землю: Ленин, Пуанкаре, Вильсон, Врангель и люди вообще казались Петру Степановичу мелкими-мелкими инфузориями. Пушкин, Шекспир, Бетховен – такая мелочь, не стоящая даже внимания; глаз и внимания не стоит утомлять над этими точечками микроскопического поля зрения.

– А земных шаров, как маку, можно насыпать в солнечное пятно! Ха-ха-ха... хо-хо-хо... ха-ха-ха...

Если бы случился прохожий и подслушал этот истерический хохот человека, одиноко едущего куда-то в третьем часу ночи, то, несомненно, перепугался бы и обошел бы далеко дорогу, по которой ехал этот сумасшедший.

– Коммунисты борются за социализм, – думал дальше Петр Степанович, – а на кой черт он им нужен! Какое мне дело до поколений, и чего я должен рисковать на баррикадах? Эх... умри ты сегодня, а я завтра! Надо стремиться подольше жить и затягивать время, надо больший промежуток времени оставаться формой, различающей луну, атомы, людей... Но зачем это все!..

Последнее почти выкрикнул Петр Степанович страдающим стоном.

Петр Степанович, может быть, долго еще бы думал и переживал в таком же духе, но жеребец въехал в раскрытые ворота и заржал, как бы приветствуя сторожа Макара, тут же подошедшего.

– Долгонько, Петр Степанович, гостили! – заискивающе обратился Макар к Петру Степановичу, принимаясь выпрягать лошадь.

– Да? – спросил Петр Степанович, чтобы издать какой-нибудь звук, вылезая из саней и лаская тут же прыгающих Дашку, Султана и Черкеса.

Когда Петр Степанович зашел в комнату и зажег лампу, ему сильно захотелось сейчас же сесть за стол и написать философское произведение, но такое сильное произведение и умное, чтобы мир ахнул. Петр Степанович не стал медлить. Он взял стопку писчей бумаги, подложил четвертый номер транспаранта, терпеливо развел чернил из копирного карандаша, обмакнул перо и написал, предварительно закурив папироску: «Предрассудки в абсолютном их понимании». Но такое заглавие ему не понравилось, а так как Петр Степанович не любил всяких зачеркиваний в письме, то скомкал и выбросил испорченный лист бумаги, подложил транспарант под следующий и снова написал заголовок: «В омуте жизненной лжи». Петр Степанович хотел было уже двинуться дальше, но тут пошли мысли такого сорта, что вот-де он напишет такое-то философское произведение, затмит всех Пушкиных, Лениных, заговорит о нем печать; только затруднялся Петр Степанович, – какой поставить псевдоним? Моя фамилия... уже больно не «философская»! Толстой, Шатобриан, Маркс, – фамилии действительно красивые, а моя...

– Поводить лошадь или можно поставить в конюшню? – донесся из коридора голос Макара.

– Он не мокрый: ставьте в конюшню! – раздраженно ответил Петр Степанович, считая, что Макар мешает ему заниматься работой.

Потом Петр Степанович стал сомневаться, что напишет какое-нибудь философское произведение, и вообще стал сомневаться, что что-нибудь напишет. Перо Петр Степанович еще держал в руке, но было ясно, как день, что из этого ничего не выйдет. В душе все осунилось, стало жутко Петру Степановичу, и он разозлился на свою слабость, неподготовленность к письменной работе. Но ведь мыслей в голове много! Ах, как все это увязать? В бессилии наш герой бросил ручку на пол и с облегчением свалился на кровать.

Бедный Петр Степанович! Возможно, что его побуждало писать честолюбие, так высмеянное им же полчаса тому назад, а вместе с тем нам нашего героя жаль. Конечно, таких счастливицев нет на земле, чтобы только сел за пианино, положил бы партитуру на

клавиши, и звуки понеслись бы так плавно, трогательно, стройно... Нам, например, известен один видный скрипач, так где у него столько терпения набиралось? Он мог один только звук целыми днями наигрывать на своей скрипиче, вслушиваясь в этот звук и не замечая, как струны въедались в пальцы. Терпение, терпение, Петр Степанович, труд и воля... Но где там... Петр Степанович лежит пластом в постели, тяжело дышит и презирает себя. То ему хочется застрелиться, то снова появляются проблески надежды и сомнений, то снова все осунется... А как бы хотелось Петру Степановичу не только прославиться, но заткнуть за пояс всех знаменитостей и показать мизерность всех этих марксизмов, социализмов, анархизмов и всякой другой белиберды, напоминающей всю жизнь человечества. Жаль нам Петра Степановича!

Тем более что вскоре после знаменательного вечера у Петра Степановича начались служебные неприятности, которые опять надолго отвлекли его от натурфилософских размышлений. Но какое-то время, до начала неприятностей, Петр Степанович дышал еще полной грудью и даже занимался устройством своей личной жизни.

IX

– Шафером-то шафером, – думал Петр Степанович, проснувшись на следующее после сельхозсоюзовской вечеринки утро, – а не пора ли тебе и самому, милый друг, жениться?

Кривил вчера Петр Степанович душой, кривил, когда про мировые законы-то говорил Ивану Григорьевичу. Атомы – атомами, а он ведь и сам последнее время подумывал насчет женитьбы. Ей-богу! Ему сейчас двадцать восьмой год, пока женишься, се да то, да пока дети вырастут, то будешь и стариком. Не думайте, что он погорячился, расчет у него был правильный.

Петр Степанович посчитал еще в 1922 году, что советской власти никто не прогонит, а если и будет переворот, то такого... внутреннего порядка, – это раз; во-вторых, кризис миновал и пойдет жизнь страны на материальные накопления; наконец, рано или поздно жениться необходимо, ибо сама жизнь этого требует, – это три.

Петр Степанович на службе чувствовал себя прямо-таки великолепно. Особенно хорошо он почувствовал, когда оборудовал себе целых две комнаты в главном доме, купил кровать, ковер и стол, в одну из командировок в Харькове приобрел охотничье ружье и даже, чтобы быть загадкой, нацепил на стенку портрет Ленина. Таких женихов – еще поискать!

Пока не думал Петр Степанович жениться, до тех пор никто об этом даже не напоминал. А теперь зайдет тот же сторож хозяйства, Макар, в две комнаты Петра Степановича, скажет что-нибудь по делу, а потом улыбнется широкой-широкой улыбкой, до ушей, и скажет:

– Не хватает вам, Петр Степанович, женушки! Хе-хе-хе... Сироточкой, Петр Степанович проживете. Вот и вешалочки некому пришить, – воротничком просто нацепили одежину, и гардиночек нету-то на оконушках. Да, необхо...

– О, я еще не собираюсь жениться, – отвечает Петр Степанович, сдерживаясь, чтобы не поделиться своею тайною мечтою с Макаром.

В союзе тоже: Анастасия Васильевна обязательно поднимет разговор приблизительно такого сорта:

– Ну, если уж такие не поженятся, Петр Степанович, как вы, это я уж не знаю, где нашей сестре деваться!

Как-то встретился Петр Степанович со своим учителем, еще по реальному училищу, и тот, сейчас же после приветствия:

– Еще, Петя, не женился?

В праздничный день выйдет Петр Степанович в сад, ляжет на коврике под яблоней или старой душистой грушей, почитает роман, возьмет ли сухую книжечку по специальности, но не читается. Невольно в мыслях начнет перечислять своих знакомых девиц, но... нет подходящих! Вера – старая, Сима – глупая, высока уж больно ростом. Нюся – не окончила гимназию, а жениться на модистке... Ксения – подходящая, но она на третьем курсе медицинского и не пойдет, а если пойдет, то с нею никакой любви не может быть: ты ей с поцелуем, а она в это время будет думать, что во рту все выслано эпидемией, – ты ей о цветах, о пчелках, о солнышках, а она будет прислушиваться к воркотанию желудка и представлять, как эти кишечные сосочки всасывают питательные вещества... бр... Так Петр Степанович иногда долго перечисляет знакомых девиц, подходит к ним со всех точек зрения, критикует – и в каждой обязательно найдет недостатки, а раз недостаток, то ничего из этого и получиться не может.

Читатель может вообразить, что Петр Степанович уж больно наивен и даже подумает, что мы своего Петра Степановича просто сочинили для романа: неужели Петр Степанович до 27 лет никого не любил из женского персонала?

Категорически отвечаем: Петр Степанович много раз любил. Но кто из нас не любил в ученические годы? Каждый любил! Любили все мы, сильно любили, чисто любили... Петр Степанович один раз даже стреляться хотел... После этого случая любил еще несколько раз. А во времена учительства в профшколе Петр Степанович даже ночевать домой не ездил, так крепко привязался к одной учительнице, поселившись у нее в комнате на правах мужа. Мы больше скажем: Петр Степанович чуть-чуть не вскочил с этой учительницей, извините за выражение, в алиментную путаницу, – но хорошо, что в эти годы советская власть была занята белыми, зелеными и другими бандами, и еще как следует не расписали алиментных законов. При теперешних-то законах Петру Степановичу пришлось бы обязательно выплачивать по одной трети своего жалования. Кстати ребенок умер, а то, возможно, что старая история могла бы быть возбуждена теперь, и платить все равно пришлось бы.

Так что наш герой, как видите, герой не без любовных историй – даже стреляться хотел! В общем, герой, как герой, без всяких там подделок, подтасовок, подрисовок, а что с невестами Петр Степанович был как бы в некотором затруднении, то кто только после гражданской войны не был в затруднении! При всех других прочих условиях, Петр Степанович, может быть, даже не терял бы связи еще с той девицей, из-за которой хотел стреляться, но в голодовку, в войну, во всю эту жизненную помеху революцией у многих жизнь сложилась не так, как предполагалось. Перед концом института были еще у Петра Степановича некоторые отношения с однокурсницей Степанидой, но Петр Степанович посчитал, что ему этих отношений хочется меньше, чем ей, и они как-то разъехались, хотя она и добрая была, и даже плакала.

Ну, да это все – прошлое. С лета 1922 года стали в учреждения поступать машинистками, регистраторшами, счетоводшами и на другие службы деликатные барышни, с которыми преды, завы и секретари имели не только служебно-официальные отношения, но тут стали вмешиваться в дела и глазки, и ручки, и губки, и всякая такая другая штука. До 1922 года люди делали одолжение правительству, что служили, а теперь стало наоборот: учреждения стали делать одолжения, что напринимали такую массу белокуреньких, черненьких, шатенок, рыженьких и разных других оттенков. Штаты переполнялись и мужчинами, но это уже по другим причинам. Не редкость в 1922 году встретить в учреждении за шуршащими бумагами барышню, что раньше ходила с папкой «Musik», надеясь быть пианисткой, но обстоятельства... обстоятельства складывались так, что надо служить. Фу! черт его знает: начали писать об одном, а переехали на другое! Ну, извиняемся. Просто это получилось от того, что Петр Степанович часто начал ездить в город, в правление и в другие учреждения, и на него эти учреждения с каждым днем производили большее и большее впечатление. Например, Лизе дали повышение, а на ее место посадили Марусю Карасик, а Маруся Карасик в хороших отношениях с бухгалтером, а бухгалтер путем... э, надо бросить об этом: заедем снова в дебри.

При поездках в город, по делам и без дела, Петр Степанович, продолжал внимательно присматриваться к своим знакомым девицам. Он увеличил число мест своих посещений, и можно было видеть привязанным его жеребца возле: упродкома, уисполкома, правления потребительской кооперации, своего правления, типографии, даже возле яичного склада! В каждом из этих управлений сидели девицы, знакомые Петру Степановичу еще по гимназии. Одни печатали на машинках, другие рылись в бумагах, третьи почему-то сидели недалеко от какого-нибудь райпродкомиссара, четвертые еще чем-нибудь занимались.

Бывали случаи, что Петр Степанович встречался со своим начальством, и начальство задавало вопрос:

– Чего это ваш жеребец стоит возле земуправления?

– Передавали мне, чтобы я как-нибудь заехал взять план нашего хозяйства, – невозмутимо спокойно отвечал Петр Степанович, хотя никто ничего не передавал, и никакого плана не нужно было.

Никто не мешал после этого разговора, через полчаса, жеребцу стоять привязанным возле военного комиссариата.

Да и к нему в совхоз приходили правленские барышни – посмотреть, как он успешно хозяйствовал. Приходила даже Анастасия Васильевна, собственно, не барышня, а дама, но муж ее сошел с ума и теперь находился где-то в доме умалишенных, что Анастасии Васильевне не мешало жить, радоваться, улыбаться и даже флиртовать. Приходила сюда машинистка Союза, Нина, очень полная и краснощекая девица, интересная особа: она, например, жаловалась на малокровие, что вызывало со стороны громкий смех, шутки по ее адресу снова смех; реже в хозяйстве являлась Катя, пока служившая регистраторшей в Союзе, но ей могут дать и более солидную должность, если будет вакансия. Ее знал Петр Степанович еще гимназисткой, и она ему очень нравилась.

Катя была среднего роста, черненькая, очень красивая, с черными большими глазами. Раньше у Кати были замечательные волосы, всегда убранные в толстую длинную косу, но теперь уже коса сделалась короче, – однако Катя была прелестной девицей, хотя ей и было уже двадцать четыре года. Кате очень нравились романы Тургенева и особенно его героини; влияние тургеневских романов было так велико на впечатлительную душу хорошенькой Кати, что она и сама напоминала тургеневскую героиню. Когда на Катю смотришь, то невольно ее хочется представлять не иначе, как гуляющей в большом, заброшенном парке возле обрыва, с книгой в руках, и ветер должен ей развеять локоны, а глаза глубокие-глубокие смотрят куда-то вдаль, и чувствуется в Кате всегда что-то возвышенное, чистое, и ее хочется любить. За Катей до сих пор серьезно не ухаживали. До революции не успели, а в революцию люди были заняты добыванием куска хлеба, куда, собственно, и уходила вся энергия.

Теперь, наконец, можно было бы и поухаживать за Катей, но нравы у мужчин после революции и гражданской войны стали другие, нежели это было в тургеневские времена: теперь требуются девицы покладистые, чтобы в первый вечер можно было бы поцеловать, обнять, а Катя такой вольности допустить не могла. Если уж любить, то любить на всю жизнь... Ах, виноват, как мы увлеклись Катей и расписались, что сами не заметили, что на это ушло время! Но все-таки к Кате мы еще вернемся!

Вчера Петр Степанович заснул так неожиданно, что даже не успел убрать в стол начало своей рукописи. Теперь же, когда, отдав должное мыслям о женитьбе и ощутив их, если можно так сказать, всем своим телом, он встал со своего одинокого ложа и увидел чистый лист бумаги, то с раздражением вспомнил Макара, который все время мешал ему теми или иными обращениями по совершенно пустяковым вопросам. Правда, Петр Степанович еще перед тем, как он совершенно неожиданно заснул, и сам стал сомневаться в своей силе: не надо было ему заходить в торговый отдел, тем более, не один раз. Но никто ведь не знает – не засни Петр Степанович так быстро, может, полежал бы он на кровати с полчаса, а потом присел бы за стол и, действительно из-под его пера вышло бы что-нибудь величественное? Пусть он и не написал в ту ночь ни одной строчки, если не считать заглавия, но читатель ведь знает, какими большими вопросами была наполнена в ту ночь голова Петра Степановича. Да если бы он напечатал в брошюре под заглавием «В омуте жизненной лжи» все то, что у него бродило в голове, то мы уверены, что Бухарин, Сталин, Калинин, Чемберлен, Бриан, Кулидж и все, все, все политические деятели после прочтения брошюры Петра Степановича сразу поняли бы, на каком ложном пути они стоят, и заявили бы единогласно:

– Теперь мы снимаем с себя всякую ответственность и находим всякие коминтерны, палаты, съезды и т. д. абсурдными и не имеющими под собой никакой логической увязки...

А ведь никто и не подозревает такой грандиознейшей потенциальной энергии в Петре Степановиче! Гордиенко, вероятно, ставит Петра Степановича далеко ниже себя. Эх, сколько великих, но не высказанных мыслей носят в своих головах люди! Но мы не желаем подливать масла в огонь, зная, что Петр Степанович еще жив, а его рукопись уже начата. Нет, довольно об этом! С огнем не шутят!

Х

Не знаем, потому ли, что Петр Степанович своих мыслей еще не изложил на бумаге, или потому, что пока решил жить и действовать по обыкновению, но факт остается фактом: в субботу Петр Степанович крепко задумался над вопросом: кого бы из девиц пригласить с собой на свадьбу к Ивану Григорьевичу? Маруся Карасик – не подходит: у нее редкие зубы и она одевается безвкусно; Нина... Нина тоже не подходит: вульгарная уж больно и, конечно же, Петр Степанович не будет связываться с какой-нибудь машинисткой и панской дочкой! Он Нину считает даже недостойной внимания с его стороны. Разве Катю пригласить? А что если она откажется? От Кати этого ожидать можно. Да и насчет Кати у Петра Степановича недавно были сомнения: уж больно она хрупкая, и еще в июне месяце показалось Петру Степановичу, что подбородок не совсем красивый у Кати. Потом уже, позже, неприятное впечатление от подбородка сгладилось и, как будто бы, все части Катиного лица гармонировали между собою, но все-таки... Долго и глубоко думал Петр Степанович над выбором девицы и одно время остановился на Анастасии Васильевне, – хоть нацелуюсь вдоволь, – думал Петр Степанович, – но переменили окончательно решил пригласить Катю.

Немедленно был заказан жеребец, и Петр Степанович вечером поехал в город к Кате. Жеребец смело выстукивал по снегу свой такт, саночки весело неслись по наезженной дороге, и Петр Степанович деловито сидел в санях, как будто бы ехал не по своим личным делам, а по делам союза. Люди же вероятно думали, давая дорогу Петру Степановичу:

– Вот, видать, у человека дела: против ночи и то приходится ехать из дому!

Петр же Степанович презрительно посматривал на сторонившихся людей, не подозревавших даже, в какие грандиозные мысли погружены мозги встреченного ими человека. Признаться, Петру Степановичу немножко обидно было, что люди смотрели на него, как на кого-то обыкновенного, но в душе, как в масле, плавало успокоение: если, мол, еще не знаете, кто я такой, то в будущем... Тут успокоение прерывалось, перемешивалось с неопределенными сомнениями, сформировавшимися желаниями – между нами говоря, честолобивого порядка, и... Петр Степанович на одном из поворотов зачем-то даже стегнул и так горячего жеребца. Беспорядочно и как-то второстепенно фиксировались в голове Петра Степановича пронесившиеся дома, улицы, телефонные столбы, мазнула по глазам кладбищенская церковь, вывеска конторы лесничества; мимолетно через мозги, как через фильтр просачивается воспоминание о песнях, какие распевались реалистами ночью на кладбище, вспоминалось, что в этом доме, с зелеными воротами, квартировал когда-то член правления земской управы, помещик Филипошин; показалось, что жеребец как бы нахрамывает на левую заднюю, и мысли обратились к тому, что, вероятно, подкова сильно притянута, стала припоминяться по анатомии животных мускульная работа лошади, всплыл профессор Палладии с его очками и свежей физиономией... Ну, в общем, попадало в голову самотеком все, что может туда попадать, в то время как человек едет в вагоне, на санях, или даже идет пешком, с нетерпением ожидая конечного пункта, когда надо открывать форточку и входить в дом. Петр Степанович подъехал к дому, где жила Катя, привязал к оградке жеребца и прошел во двор. Через минуту Петр Степанович удивленной Кате говорил:

– Здесь же ничего особенного нет! Приедете туда, побываете в церкви, посидите за столом, посмеетесь, и я вас благополучно привезу обратно.

– Но почему вам, Петр Степанович, взбрело в голову меня пригласить? – краснея и стесняясь, удивлялась Катя, поистине хорошенькая, что снова не ускользнуло от зорких глаз Петра Степановича.

– Ну, вот вам... просто... да что здесь говорить! Ведь это пустяк: заеду я завтра утром, заверну вас в теплый тулуп, ножки прикрою бараницей...

– Дело не в этом, Петр Степанович! – воскликнула Катя, прикрывая свои прекрасные черные глаза длинными ресницами и продолжая смущаться. – Я вообще не понимаю...

В общем, на следующий день, в воскресенье, Катя сидела рядом с Петром Степановичем в саночках, и рысак их обоих мчал в направлении Карачовки, и вскоре они увидели верхушку церкви, где должен был венчаться Иван Григорьевич со своей Зиной. По дороге руки у нашего героя так и чесались, так и чесались обнять Катю, прижать близко-близко к сердцу, хотя она была в тулупе, но благоразумие брало верх, и Петр Степанович не решался провести в жизнь свои желания. Неизвестно, подозревала ли Катя обо всех этих желаниях нашего героя или она просто сидела рядом и в это время думала: надо было про запас взять еще две булавки.

Так или иначе, жеребец Буртный благополучно доставил их к месту назначения, и Петр Степанович ни разу не попробовал обнять Катю, преодолев всю тягучесть такого желания, решив без подготовки самой Кати и более близкого знакомства никаких таких безобра..., то есть вести себя с Катей обыкновенно, но любезно. Дорогой Петр Степанович затронул вскользь атомы, коснулся человеческой души, ознакомил Катю вкратце со своим мировоззрением и чуть-чуть проговорился, что он не прочь бы жениться вообще. Разговор дорогой был так подобран Петром Степановичем, что, по его расчетам, когда они приедут и разделются в доме невесты Ивана Григорьевича, Катя должна будет уже смотреть на Петра Степановича, как на человека более или менее близкого, выделяющегося среди остальных гостей.

Действительно, когда они оба разделись, перездоровались со всеми и убедили всех, кто интересовался, что они не замерзли, Петр Степанович незаметно расчесал свои русые волосы, вытер пальцем, на всякий случай, уголки глаз, взял на пуговицу хлястик бокового кармана во френче, – тогда все ходили во френчах, – и выпятил грудь так сильно, а ногами стучал так твердо, что, конечно, Катя, по мнению Петра Степановича, должна была им залюбоваться. К сожалению, мы не можем сказать ни да, ни нет, нам неизвестно, как смотрела Катя на Петра Степановича в то время. Одно мы заметили, что она себя не совсем ловко чувствовала среди всей этой сутолоки, и, видно, была рада, найти укромный уголок, на скамеечке, возле тут же стоявшей двуспальной кровати.

Через час надо было ехать в церковь. Иван Григорьевич толковал Петру Степановичу:

– Я хотя и не верю в разных там богов, но что же это за брак, если не венчаются? Кроме того, и батьки Зины будут спокойны, и брак как-то крепче.

Родители Зины ходили между гостей с озабоченными лицами, насильственно улыбались, а в головах у них ходили мысли разные. У отца, вероятно:

– Вот неприятность: раньше выходило из пуда сахара восемь бутылок первака и восемь вторяка, а теперь почему-то накапало первака шесть, а вторяка двенадцать бутылок.

А мать думала:

– Комод, кровать, сундук и шесть стулок я Зине отдам, но гардероба ни-ни-ни, ни в коем случае! Пусть сами наживают!

В голове Зининой мамы сидели пироги, лапша, кисель, скатерти, посуда, подвенечное платье, зять, неудавшееся желе и другая свадебная канитель, и в то же время гостям надо было улыбаться и говорить любезности совершенно по иным поводам и причинам. В голове же Зининого папаши бродили самогон, сено и то количество его, какое съедят лошади гостей, пока отбудется свадьба, думал он и о крюке, что вырван санями из ворот, о том, что коровам холодно и что расходы вообще большие в связи со свадьбой. Гости же и не подозревали, что у папаши и мамыши такие мысли, – иначе они и не беспокоили бы их своими пустыми разговорами, вопросами и даже капризами. Кума лезла к мамаше Зины с тем, что она ждала телочки от коровы, а корова отелилась бычком; Матрена Степановна почему-то интересовалась, поедет ли мамаша Зины в Харьков на этой неделе или нет; Степан Кириллович десятый раз хотел мамаше Зины рассказать, как он выдавал свою дочку замуж и сколько пришлось

израсходовать денег; Таисия Гавриловна в третий раз требовала показать ей то полотенце, что вышивала недавно Зина, когда брали у нее узор. Да мало ли кому чего и что хочется говорить, но обязанность мамы – быть со всеми любезной, заботливой, гостеприимной, а что там пироги или гардероб у тебя в голове, то кому до этого дело? Папаша же умудрялся увильнуть от вопросов и разговоров, а только усмехался и куда-то спешил, спешил... Невесту никто не осмеливался беспокоить: ее одевали в спальне, куда даже вынесли из залы зеркало. Из спальни доносились иногда обрывки замечаний дружек, одевавших невесту:

– Это, кажется, ничего... Галя, сюда еще булабочку одну... бант... Где же ленты... Подпуши, подпуши... Заколи выше, да выше же тебе говорят! Так... так... Пудра, да пудра рассыпалась...

Иногда из спальни выскакивала дружка, но с ней никто не успевал заговорить, ибо рот у нее занят булажкой и нужен был немедленно стакан воды, из-за чего она так поспешно и вышла. На лицах выскакивающих дружек была отражена какая-то тайна, проблескивала зависть, растерянность, а у некоторых из дружек, кто постарше, было выражение лица тех пассажиров, что опаздывают на поезд.

Иван Григорьевич ходил между гостей почему-то одетым в пальто и волновался, что так долго одевают невесту. Правда, для него было развлечение, – один за одним стали съезжаться еще гости, и гости все желательные. Например, приехал заведующий торговым отделом райсоюза – интереснейший человек, да и фамилия у него была оригинальная: Папиеров. Товарищ Папиеров интересен был по многим причинам: во-первых, он все отношения, какие поступали в торговый отдел, небрежно прочитывал и так же небрежно их распихивал по карманам; этими отношениями он пользовался и как папиросной бумагой, и в них себе завтрак заворачивал, вытирал отношениями пыль со стола и т. д.; во-вторых, товарищ Папиеров первым в Задонске надел после революции фетровую шляпу, храбро став в ней в ряды демонстрации 12 марта, и третье, – товарищ Папиеров так умело обкрадывал райсельхозсоюз, что ни при старом правлении, ни при новом ни разу даже не попался.

Минут через десять приехал и агроном Вайнблут, но товарищ Вайнблут был прямой противоположностью товарищу Папиерову. Когда приносили ему по разносной книге отношения, явно адресованные ему, то он, не читая их, долго доказывал принесшему, что он отношений категорически не возьмет, что, мол, отношения такая штука, что легко может затеряться, и что странно даже, что отношения эти пишут вообще. Разносчик доказывает резонно, что дело его маленькое: отнести и получить расписочку, а где агроном Вайнблут заденет это отношение, то это его, разносчика, совершенно не касается. Наконец разносчик, доведенный до белого каления упорством т. Вайнблута, без расписки выкладывает на стол, и сам без расписки уходит. Т. Вайнблут, крадучись, отношения читает, возмущается, перебирает их в руках и не знает, куда ему их задеть? То переписет их номера себе в записную книжку, то заберет эти отношения, как драгоценность, и пойдет к бухгалтеру за советом, а в конце концов, начинает трогательно бухгалтера просить:

– Будьте любезны, Кирилл Мефодиевич, возьмите их к себе: у вас и папки есть, и все приспособления для них, – вы привычны с ними, – ну, а что я с ними буду делать?

– Но Рафаил Михайлович, ведь они адресованы в ваш отдел и по ним надо выполнять задания! – резонно отвечает Кирилл Мефодиевич.

– Н-да, но они могут затеряться...

В общем, целая мука т. Вайнблуту, пока он найдет-таки доброго человека, что возьмет отношения, понесет в правление на резолюцию, устно передаст т. Вайнблуту сущность резолюций, а отношения где-нибудь сохранит. Устных же резолюций Рафаил Михайлович не боялся, ибо они затеряться не могли – это не бумага, – исполняя точно и аккуратно, что в устной резолюции было сказано.

Уже перед самым отъездом поезда в церковь на венчание, приехали еще два агронома из своих районов, т. Дзюбик и т. Ковтиш. Им даже не пришлось вылезти из саней: они погнали своих потных лошадей за поездом, стараясь не отстать. Эти два агронома были люди молодые, товарищи Петра Степановича по институту, и служили первый год. Но они подавали надежды, были оба со способностями, беспартийные, но чудесные люди. Т. Ковтиш, Орест Евтихиевич, в первый же год начал расти в брюхе, как будто бы оно и ожидало своего времени, когда Орест Евтихиевич поступит на должность, чтобы начать свою карьеру. Об Оресте Евтихиевиче мы здесь распространяться не будем, может быть, мы еще с ним встретимся. А вот о т. Дзюбике надо несколько слов сказать, ибо на встречу с ним у нас нет надежд: он умрет от туберкулеза весной. Мы бы и о нем не писали, но надо же отметить человека где-нибудь, что он существовал, тем более, что никто даже не догадается написать некролог. Так вот, значит: т. Дзюбик окончил институт и отличался оригинальностью речи: у него в разговоре слово как бы догоняло и даже перегоняло следующее слово, что делало речь т. Дзюбика сбивчивой, мало понятной и часто малосодержательной, хотя говоривший всякий раз старался провести существенную мысль. Ну, да нечего нам долго останавливаться на т. Дзюбике, – все равно он умрет весной и не успеет в нашем произведении занять надлежащего места, как не успели пожить на этом свете.

Что это был за поезд! Нет, Иван Григорьевич прав, не признавая брак без венчания! На самом деле: нельзя же так незаметно жениться и выходить замуж, выходить замуж и жениться, как этого хотят коммунисты! Пойдешь в загс, запишешься, распишешься, дадут бумажонку – и дело в шляпе. Ну, конечно же, это чепуха... несолидно даже. То ли дело: на Иване Григорьевиче надет твидовый темно-синий костюм, пальто, шарф, гамаша новые и серая каракулевая шапка; он сидит чертом на саях, военная косточка, а лошади прут, прут, выбрасывая из-под копыт клочья снега. Зина немножко раньше уехала и другой дорогой, чтобы карачовцы не подумали, что жених и невеста едут с одного двора. На Зине – фата, белое платье, восковой веночек, окаймляющий, правда, низковатый лобик, на ногах серые замшевые башмаки и такие же, серые, заграничного фильдеперса, чулки. Иван Григорьевич сознавал, что здесь принимают участие не только он, Иван Григорьевич, и Зина, но посмотрите: целая кавалькада!

– Хоть панику наведем, – так думал Иван Григорьевич, томно посматривая на карачовцев, высыпавших на улицу посмотреть небывалую свадьбу: в Карачовке были свадьбы простые, мужицкие, а это же поехали венчаться паны!

Самого венчанья и того, как поезд возвращался домой, мы, пожалуй, описывать не будем, ибо это читателя мало заинтересует. Правда и интересного-таки ничего не было, если не считать того, что Петр Степанович на пари взял выдержать одной рукой венец от начала до конца венчания и что подружка Зины шепнула ей:

– Ты бы хотя бы для приличия заплакала, а то твой подумает, что ты с радостью за него замуж выходишь.

Зина, с трудом, правда, выжала слезу и хотела, было, подружке сделать какое-то замечание, но махнула рукой и решительно стала на коврик перед аналоем, и стала раньше Ивана Григорьевича, ибо твердо верила: если невеста станет первой на коврик, то муж будет у нее под башмаком, а не наоборот.

XI

Петр Степанович приятельствовал с Иваном Григорьевичем, любил поболтать с ним, сообща поругать советскую власть и такое прочее, а все-таки, в глубине души, он думал, что против него, Петра Степановича, Иван Григорьевич слабоват, хоть он и был чуть ли не полковником у Симона Петлюры. «Что он знает, кроме гопака и вышитых украинских рубашек?» – как бы спрашивал себя Петр Степанович, сравнивая интересы Ивана Григорьевича с волновавшими его самого мировыми вопросами. Хотя, отвечал сам себе, стараясь быть честным, Петр Степанович, кое в каких делах Иван Григорьевич разбирается совсем неплохо. А то, что он, конечно, не сможет, подобно Петру Степановичу, написать, к примеру, «В омуте жизненной лжи», то таких людей, что смогли бы это сделать, вообще маловато на свете. С точки зрения теории вероятностей, странно было бы, если бы два таких человека сошлись в их небольшом уездном городе, а один такой человек, Петр Степанович, здесь уже был.

Ивану Григорьевичу это, конечно, было невдомек. Он совсем недавно, например, говорил Петру Степановичу: прокормить всех этих комиссаров рабочие и крестьяне, худо-бедно, смогут. Но кто им напишет «Тараса Бульбу»? Да он просто не видел, что за человек стоял перед ним!

Такое непонимание обижало Петра Степановича, а теперь его немножко задело и то, что Иван Григорьевич женился, тогда как сам он все еще был неженатым и как бы отставал от своего приятеля, сдавал ему позиции. А ведь он давно уже подумывал о женитьбе, за Иваном же Григорьевичем он ничего такого прежде не замечал.

Может быть, поэтому, а, может быть, по другой какой причине, но сделалась с Петром Степановичем после свадьбы Ивана Григорьевича странная перемена. Буквально на следующую ночь приснился ему такой сон, будто сидит она в полоборота, – с черными, как терен, глазами, с прекрасными черными волосами, с пробором с левой стороны; все лицо и руки имеют прекрасный темноватый цвет кожи; подбородок, такой нежный... и усмешка, и сидит она и как будто бы не участвует в разговорах, а только наблюдает, улыбается, и снова наблюдает. Не дают покоя Петру Степановичу ее печальные, задумчивые, прекрасные глаза! Манят его, зовут, ласкают Петра Степановича... Протянул Петр Степанович руку, хотел нежно погладить ее волосы, но рука бессильно опустилась: кругом стены, кровать, стол и окно, а ее нет...

Вы догадались, о ком мечтает Петр Степанович? Это он мечтает о Кате. Катя ему засела в голову. Вы понимаете, чем здесь пахнет? Почему начал так рассуждать человек? Влюбил... нет, мы пока это оставим, ибо сам Петр Степанович никак не освоится со своими чувствами, ибо они, эти чувства, появились только вчера, на свадьбе. Еще вчера Петр Степанович, собственно, и не подозревал назревающей бури в душе. А сегодня вот начинает образ Кати преследовать его, вытесняя все остальное в голове. К сведению наших читателей, любивших уже и еще не любивших: как прекрасно то время, когда человек только начинает любить! Вернись, вернись то время золотое! (это для тех, кто любил), скорее, скорее приходи то время, когда начинаешь любить! (для тех, кто еще только собирается). Какие прекрасные ощущения, чистые, светлые... Не опишешь святых ощущений, а их только можно переживать. Это те времена, когда все существо вмиг обновляется, празднует, молится перед прекрасным образом вашей избранницы! Волосы, лоб, брови, ресницы, глаза, нос, губы, шея..., складки платья ее, даже туфли, пусть и истоптанные, кажутся вам чем-то божественно прекрасным... И идете вы, хотя бы во сне, по глубокой земной, прекрасной долине, смело идете в приятные тенета, а вокруг благоухает вечный май: пчелки разные поют свой нежно жужжащий гимн, порхают бабочки, цветы приятно, открыто и честно смотрят вам в глаза... Для Петра Степановича такие переживания не новость: были, были уже такие переживания. Но

то – не то... Вот теперь – по крайней мере, Петру Степановичу так казалось, – переживания действительно настоящие, а те, прежние, как-то померкли и не стоили даже воспоминаний.

Но Петр Степанович, как вам известно, – человек рассудительный: рядом с новыми чувствами, одурманивающими мозг, появляются и мысли практического порядка: Петр Степанович твердо решил жениться на Кате.

Но только вот Катя, Катя как на это посмотрит?

Катя, надо сказать, пока и не подозревала, что такой серьезный человек, человек, говорящий больше об атомах, человек материалистичного склада, начал питать к ней нежные чувства. Кто бы мог подумать на Петра Степановича! Катя даже почти забыла уже, что ездила с Петром Степановичем на свадьбу к Ивану Григорьевичу, и по-прежнему продолжала писать союзные бумаги, буква в букву, таким же порядком, как она делала это вот уже два года. И вдруг... зовут к телефону Катю... Оказывается, Петр Степанович просит разрешения к ней приехать домой. Странно! Человек не ездил, не ездил – и вдруг хочет приехать! Зачем? Неужели опять у кого-то свадьба?

Приехал Петр Степанович к Кате в 8 часов вечера, когда солнце давно перестало светить в Задонецке, передвинувшись в сторону Америки. Катя грелась возле печки, накинув платок на плечи, и с недоумением прислушивалась, как Петр Степанович в кухне снимал галоши, полушубок, ставил кнут в угол и сморкался – вероятно, в платок, – готовясь войти в комнату. Вошел.

– Здравствуйте, – удивленно ответила Катя, пожимая руку гостю и поправляя тут же сползающую шерстяную шаль.

– Не ожидали сюрприза? – развязно сказал Петр Степанович, чтобы с чего-нибудь начать, и, очевидно, осваиваясь, уселся в истрепанное кресло. – Я человек прямой, Катя, и буду говорить прямо: я хочу на вас жениться.

– Да бросьте, Петр Степанович, шуточки шутить, – смеясь и краснея, ответила Катя, – вы лучше скажите: большой ли мороз на дворе?

– Мороз? Та-ак... Так вот, Катя, говорю серьезно: я хочу вам сделать предложение. Сегодня у нас что? Пятница? Ну, так вот: на той неделе, в пятницу, давайте перевенчаемся. А?

– Петр Степанович! совсем вам не подходит шутить! – смущаясь, воскликнула Катя.

– Ей-богу не шучу! – в свою очередь воскликнул Петр Степанович, в подтверждение чего он подошел вплотную к Кате и взял ее руку.

– Сядьте, сядьте, пожалуйста, – отымая руку, смущенно попросила Катя. Если вы не шутите, то я вам скажу прямо, что в моих расчетах не было выходить замуж, а особенно за вас. Я вас не люблю, вы мне чужой и вообще страшно...

– Что значит «не люблю?» Надо же выходить замуж? Надо же мне жениться? Выбор мой пал на вас, и вам, вообще, надо дать веские доказательства, так сказать, вашего нежелания. Почему за меня нельзя выходить замуж?

– Ну, как-то уж все это быстро! Да вы и шутите, Петр Степанович, – неловко себя чувствуя, сказала Катя.

– Вот те и на! Приехал бы это за три версты шутики шутить, – серьезно произнес Петр Степанович. – Почему шутики? Вы мне нравитесь, приданого мне не нужно, ибо и у меня ни черта нет, а... Вы подумайте, Катя... – просительным тоном обратился скорее к столу, нежели к Кате, Петр Степанович.

– Нельзя же, Петр Степанович, все так быстро! – резонно воскликнула Катя. – Посмотрим: приезжайте почаще ко мне, познакомимся, и возможно, что вы сами откажетесь от меня.

– О, нет... – протянул Петр Степанович таким тоном, как будто бы хотел сказать: «Что вы – считаете меня сумасшедшим?» Я еще помню вас, Катя, гимназисткой: еще тогда я питал к вам особенные чувства, а теперь вот вы заняли в моей душе все место, и я никак не могу...

Давайте, Катя, через неделю перевенчаемся или запишемся просто и будем жить вместе! а? Ну? – Петр Степанович снова подошел к Кате, взял ее руку, поднес к своим губам и поцеловал.

На глазах у Кати появились слезы, но трудно сказать, что это были за слезы! Несмотря на свои двадцать четыре года, Катя еще никого не любила. Или она просто случайно так прожила, не встретив на жизненном пути ни разу мужчины, который бы заставил вздрогнуть ее сердце, или, может быть, Катя себя переоценивала и считала всех встречавшихся мужчин недостойными ее внимания, – кто знает? А если Катя тоже, как и Петр Степанович, подозревала в себе незаурядные таланты и видела себя, например, второй Вяльцевой? Она даже хотела учиться на пианино. Мы не ручаемся, возможно, что какие-нибудь таланты и таились в прекрасной Кате, но они не раскрылись – из-за разных причин, из коих на 99 процентов складывается наша повседневная жизнь: то пианино нет, то революция помешала, то почему-то не хочется, то учителя нет, то как-то... ну, в общем, обстоятельства не сложились. Так вот: плакала ли Катя, увидев ошибочность своих расчетов и предположений, плакала ли она через то, что вот-де какой-то Петр Степанович, делает ей предложение, а Кате и крыть нечем, плакала ли она о своих двадцати четырех прожитых годах, – нам по этому вопросу ничего не известно.

Мы только знаем, что прекрасная, хрупкая Катя, с ее грустными черными глазами, наполнившимися слезами, стояла виновато, растерянно перед Петром Степановичем и ожидала хотя бы какого-нибудь конца этой неожиданной сцены. Кате очень хотелось провалиться сквозь землю, умереть, но что же сделаешь с землей, если она не разверзается, и со смертью, если она занята сейчас в другом месте. А он, Петр Степанович, стоя тут близко, целовал ее руку...

Между нами говоря, хорошенькая Катя принадлежала к натурам безвольным, о которых можно сказать, что они не живут, а катятся по наклонной плоскости и не шевельнут ни одним мускулом, чтобы зацепиться и прекратить произвольность течения событий. Мало ли таких натур? Сейчас она никак не могла найти: как ей быть дальше? – и даже ее представления о тургеневских девушках ей ничего не подсказывали. Но здесь, спасибо ему, Петр Степанович пришел на выручку, сам и заговорил:

– Вы извините, Катя, мое такое... ну, хамство, что ли, но ей-богу, я искренне и глубоко вас люблю! Я уважаю вас глубоко!

Пока эта фраза будет производить на Катю впечатление, признаемся читателю: немножко Петр Степанович соврал; соврал – правды некуда деть. Петр Степанович вчера, и сегодня даже, до прибытия к Кате, был переполнен чувством любви, Катю обоготворял, можно сказать любил ее на 117 процентов. Но здесь, на месте, растерявшаяся Катя показала Петру Степановичу немножко иной, и любовь понизилась вдруг процентов до 70–75. Правда, приятно, что Катя не походит на других девиц и не набросилась на Петра Степановича, как это бы сделали другие, видя перед собою все-таки приличного жениха, но все же обидно: руку Катя держит без всякого тонуса, до поцелуев в губы вообще дело не доходит...

Однако Петр Степанович разумом понимал и Катю, хотя и обиделся немножко в душе за ее адское равнодушие. Ведь он приехал не пофлиртовать, а желая жениться! Шуточка ли, жениться! Ведь Катя должна понимать, что Петр Степанович, может быть, даже делает одолжение, предлагая Кате себя в мужья. Может быть, Петр Степанович мог бы себе найти лучшую... Но все эти мысли в голове Петра Степановича проходили не в такой конкретной форме, как мы здесь описываем, они фильтровались через мозг незаметными капельками, отравляя настроение, понижая степень любви Петра Степановича к Кате, но не уничтожая главной мысли о женитьбе.

Что такое, в сущности, любовь? Петр Степанович, например, еще будучи реалистом, пришел к выводу, что любовь есть кривая, графически изображенная на осях координат и

никогда не идущая параллельно оси абсцисс. Эта кривая, по его мнению, ежесекундно способна то понижаться, то повышаться, а когда линия опускается ниже оси абсцисс, то вместо любви появляется ненависть. Петру Степановичу приходилось в жизни наблюдать такие явления, он размышлял над ними, но пока, во всяком случае, к тому моменту, о котором мы сейчас рассказываем, еще не нашел величину для точного измерения количества любви и ненависти... Мы бы с удовольствием продолжили эту тему, но, извините, сейчас не можем отвлекаться и должны вернуться в комнату к Кате.

Там в это время воцарилась такая неловкость, что Петр Степанович даже подумал со злостью:

– Провалиться бы. И связался же с нею!

Петр Степанович некоторое время барабанил пальцами по столу, вперив свои глаза в ножку кровати. Он как бы раздумывал: а что дальше делать? Пока Петр Степанович сидел и раздумывал, Катя вытерла глаза, поправила волосы на голове, лучше вкуталась в шаль и, вздрогнув, успокоено прислонилась к печке и тоже вгляделась, но не в ножку кровати, а в лампу. Эта немая сцена длилась несколько минут, пока Петр Степанович не заговорил первым, посчитав, видимо, что времени в молчании и так прошло достаточное количество.

– Странно, Катя, человеческая жизнь устроена, – так начал говорить он, печально улыбаясь. – Вот вам пространство, громадное пространство, и по нему проносится бесшумно грандиознейший шар, земной шар. Стрельба из пушек, вулканические взрывы, морские бури и все земные шумы и громы не слышны, ничтожны по сравнению с величием земного шара, так величественно и бесшумно проходящего в пространстве.

Петр Степанович на этом высморкал нос, вдумчиво глядя на угол комода, а Катя с недоумением смотрела на него, ожидая продолжения мыслей Петра Степановича. Петр Степанович, не спеша, сложив платок ввосьмеро, спрятал в карман и продолжал:

– Нам вот, Катя, кажется, что все наши революции, войны, идеи, честолюбие, сокращение со службы – это что-то значительное. Но вознеситесь вы мысленно тысяч на пять верст от Земли – и покажется вам вся наша земная канитель такой мелочью, что вы расхохочетесь, так вам станет смешно. Как иногда смешно бывает смотреть на болотную каплю в микроскоп, где проворная инфузория нападает на малюсенькую водоросль и вероятно считает: «Я тоже живу»... Ха-ха-ха...

– Что вы хотите сказать, Петр Степанович? – воскликнула Катя, заинтересовавшись разговором.

– Обождите немножечко. На меня иногда находит, и хочется пофилософствовать. Видите ли, темный народ, не подозревающий о существовании всяких там физик, химий, математик, физиологии, но только еле-еле осознающий свое существование, – этот народ счастливее нас, изучивших всякие науки. Простой народ, если он любит, то любит, а мы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.